



Дарья Донцова

Сон дядюшки Фрейда



Любительница частного сыска

Даша Васильева

Любительница частного сыска Даша Васильева

Дарья Донцова

Сон дядюшки Фрейда

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Донцова Д. А.

Сон дядюшки Фрейда / Д. А. Донцова — «Эксмо»,
2015 — (Любительница частного сыска Даша Васильева)

ISBN 978-5-699-83569-0

Даша Васильева решила немного подлечиться и заказала номер в санатории в Сан-Валентино. В нагрузку дочь дала ей мини-пига Роджи. Даша должна передать поросенка на вокзале его владелице Лене. В поезде Даше всю дорогу докучала внешне похожая на нее дама, к тому же ее полная тезка. Лена на вокзал не приехала, Роджи остался в Дашиной сумке. Тезка села в шикарный лимузин и укатила, а за Дашей прислали более скромную машину. В дороге она уснула, проснулась перед домом в окружении гор. Она попала в странное место, хозяин которого, психотерапевт Борис Эпохов, занимается перевоспитанием преступников. Выйти отсюда Даша сможет через три года, и то если покается. Бежать невозможно – с одной стороны горы и леса, с другой море. Но любительница частного сыска сдаваться не намерена, она сама кого хочешь перевоспитает! Держись, Эпохов!..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-83569-0

© Донцова Д. А., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	20
Глава 5	23
Глава 6	29
Глава 7	33
Глава 8	37
Глава 9	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Дарья Донцова

Сон дядюшки Фрейда

© Донцова Д. А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

Глава 1

– «Если на пороге вот-вот появится свекровь, а у вас в ванной забрызганное зеркало и грязный рукомойник, не стоит впопыхах хвататься за тряпку, просто выверните из плафона лампочку и встречайте мать мужа с улыбкой».

Я поперхнулась чаем и взглянула на сидевшую рядом стройную женщину, а та продолжала разглагольствовать:

– Это моя подруга Настя придумала. У меня все отработано. Ирина Львовна не очень вредная, к невестке не особенно придирается, в холодильник к Настьке не лезет, не проверяет, что приготовлено, но чистота – ее фетиш. Увидит пятнышко на кране, вся аж передернется. Правда, ничего не скажет, но ее чувства сразу понятны. Вот Настена и нашла способ! Лампочку чик-брык из патрона! В темноте-то ничегошеньки не видно! Правда здорово?

Я кивнула и украдкой покосилась на часы. В вагоне, в котором мы едем из Москвы за границу, всего два купе. Провожая меня на вокзал, Маша сказала:

– Вот видишь, не стоит расстраиваться из-за того, что тебе временно запретили летать. Воспринимай эту поездку как экскурсию. Мусик, у тебя свой туалет, душ, широкая кровать, телевизор, а во втором купе всего одна милая женщина, никаких плачущих детей или мужчин, которые начнут откупоривать бутылки, едва состав тронется. Кстати, вы с соседкой похожи, фигуры у вас одинаковые, как и цвет волос. Я чуть вас не перепутала, когда она в коридор вышла.

– Верно, – согласилась я, – мы с ней обе невысокого роста, блондинки с короткими стрижками, лица у нас простые, ничем не примечательные, да еще и одеты в джинсы, серые пуловеры и черные ветровки.

– Если люди внешне похожи, то и характеры у них не очень различаются, – сделала вывод Манюня, – ты сейчас завалишься на полку с детективом, она проделает то же самое. Вообще эту тетку до конца дороги не увидишь, она тебя не потревожит.

– Надеюсь, ты права, – улыбнулась я.

Маша обняла меня.

– Мусик, я хотела тебя попросить, возьми с собой Роджера.

– Роджера? – повторила я. – Ну... в принципе... могу, конечно, здесь две полки...

– Ему отдельное место не понадобится, – засмеялась Манюня, – потому что Роджи...

Дочь быстро открыла свою объемную сумку и вытащила оттуда странное существо, покрытое курчавой короткой темно-коричневой шерсткой.

Я пришла в недоумение.

– Это карликовый пуделек? Какой-то он не собачистый. И нос не обычный, похож на пятачок.

– Верно, мусик, – захихикала Маруся, – ты видишь не пса, а мини-пига, особенного, волосатого, они живут почти двадцать лет. Роджи четыре года, и он умнее некоторых людей.

– Очень приятно, – пробормотала я, рассматривая неожиданного попутчика, – с глупой свинкой мне бы не очень хотелось ездить по Европе. Манюня, ты уверена, что ее пропустят через все границы? У нее есть паспорт?

– Нет, – ответила Маша, – Роджер нелегал.

– Так его отнимут, – вздохнула я, – сама знаешь, какие в Евросоюзе строгие правила.

Маруся улыбнулась.

– Сейчас все поймешь. Роджи! Таможня! Полиция! Умри!

Мини-пиг беззвучно свалился на бок, закрыл глаза и замер. Маруся взяла поросенка, свернула клубочком, засунула в мою сумку, сверху положила две косметички и объявила:

– Вот! Роджи пролежит так, пока ты не скажешь волшебные слова: «Таможня ушла, полиции нет!»

Ридикюль зашевелился, поросенок выглянул наружу.

– Здорово, – восхитилась я.

– Лена его выучила, – засмеялась Маша, – ну и Роджер оказался дико умным.

– Так это пиг Кудрявцевой, – сообразила я.

– Разве я не сказала? – удивилась Маша. – Ленка приезжала в Москву погостить, потом улетела самолетом, а Роджер аэрофоб, когда лайнер взмывает в небо, он начинает безостановочно писать и какать от страха, а когда уже больше нечем, падает в обморок.

– Отлично его понимаю, – вздохнула я, – у самой те же желания возникают. Правда, на более ранней стадии, чем у милой свинки. Меня охватывает ужас при виде очереди на посадку. Смотрю на бесконечную вереницу людей с сумками и пакетами и думаю: «Набитая до отказа железная фигня с моторами только метров на сто от земли оторвется, а потом бухнется».

– Роджер всегда ездит поездом, – продолжала Маша, – он опытный путешественник, в дороге ведет себя идеально.

– Но поросенку понадобится в туалет, – продолжала слабо сопротивляться я.

Манюня вытащила из сумки бумажную пеленку, расстелила ее на полу и прощепетала:

– Роджи, пис-пис.

Мини-пиг моментально выполнил приказ, Маша свернула пеленку, засунула ее в пакет для мусора и хлопнула в ладоши.

– Вуаля. Это можно выбросить на любой стоянке. Мусик, ты едешь до Сан-Валентино, Ленка тебя на вокзале встретит. С Роджером никаких хлопот не будет, честное слово. Погладь его, он милый.

Я провела рукой по мягкой шерстке, поросенок тут же залез ко мне на колени и тихо заурчал.

– Какой хорошенький, – умилилась я, – а чем его кормить?

– Овощи, каша, можно немного сыра, с фруктами поосторожней, в них глюкоза, – объяснила Маруся. – В принципе, он питается как ты. Только конфеты не давай и все сахаросодержащее.

Я опять погладила Роджера и поправила бордовую ленту на его шее.

– Похоже, хозяйка его очень любит, сама связала ему ошейник.

Роджи начал тереться головой о мою руку, через пару секунд вязаная полоска свалилась на полку. Я аккуратно надела ее опять на шею мини-пига.

– Красивый аксессуар, но застежка у него слабая, этак ты можешь лишиться украшения. Ладно, прокатимся вместе.

Мини-пиг оказался замечательным спутником. Едва поезд отошел от перрона, поросенок лег около меня на полку и заснул. Оживился он где-то через час, когда я ела огурец, Роджи получил кусочек, обрадовался и опять задремал, прижавшись к временной хозяйке. А вот с соседкой по вагону вышло хуже, Маруся ошиблась, внешне очень похожая на меня женщина не собиралась, как я, тихо читать всю дорогу романы Смоляковой. Спустя минут десять после того, как поезд выехал из Москвы, соседка постучала в мое купе со словами:

– Нам ехать долго вместе, давайте познакомимся. Дарья, но лучше просто Даша.

Встреча с тезкой показалась мне забавной.

– Я тоже Дарья, но лучше просто Даша.

Попутчица всплеснула руками.

– Да ну? Может, и фамилии у нас одинаковые? Хотя это уж совсем невероятно, я Васильева.

– Невероятное произошло, – усмехнулась я и открыла свой паспорт, – смотрите.

– С ума сойти! – ахнула собеседница. – Такого просто не бывает. Мы полные тезки! Давайте выпьем по этому поводу чаю с конфетами.

Следующие четыре часа тезка безостановочно рассказывала разные истории из своей бурной жизни. Я узнала, что она много раз выходила замуж, сейчас состоит в очередном законном браке, выслушала рассказ про противную свекровь, которая спит и видит, как развести своего сыночка с ней. Когда истории из личной жизни закончились, Дарья принялась вещать о своих знакомых. Я узнала про Катю, которая каждый день выпивает бутылку вина, про Нину, не способную сбросить вес, про Настю, редко убирающую квартиру и выворачивающую в ванной лампочку, чтобы свекровь не заметила грязи.

От чужих семейных саг у меня заболела голова, и мне пришлось, навесив на лицо вежливую улыбку, отключить слух. Наверное, вы удивлены, почему я тащусь на поезде? Что собираюсь делать в Сан-Валентино? Постараюсь все объяснить.

Некоторое время назад Маруся вместе со всеми собаками и домработницей Ирой вернулась из Парижа в Ложкино. Дочь закончила стажировку у французского профессора-ветеринара, получила диплом и решила открыть в Москве лечебницу для животных, оснащенную по последнему слову техники. Очутившись дома, Маша целую неделю молча слушала разглагольствования Зои Игнатьевны¹, анекдоты, которые травил Петр Андреевич, ее жених, монологи Игоря, сына старухи, на тему открытия очередного бизнеса, вздохи моей будущей свекрови Глории... Но когда владелица института проблем человеческого воспитания в очередной раз заговорила о том, какой должна быть ЕЕ свадьба, Маша не выдержала, схватила Феликса за руку, утащила его в кабинет и там прямым текстом сказала то, что мямля мать стеснялась озвучить. Речь Маруси оказалась короткой.

– Устраивать две свадьбы в один день – это бред. Ваше бракосочетание с мамой не должно быть гарниром к походу под венец Зои Игнатьевны и Петра Андреевича. И Ложкино не гостиница. Феликс, мама слишком хорошо воспитана, поэтому она молча терпит старуху и весь ее табор, но ведь ты купил своей матери и бабке новые квартиры. Почему же они до сих пор живут в нашем доме?

Профессор стушевался, а Манюня спокойно завершила спич:

– Аркадий с женой и детьми давно поселился за границей. У них там бизнес, дом. Брат не планирует возвращаться в Россию, а я теперь буду жить в Подмосковье и не хочу каждое утро видеть Зою Игнатьевну со всеми чадами и домочадцами. Уж извини за откровенность, но твоим родным пора съезжать.

Маневин ответил:

– Сам устал от Зои, но она жалуется на запах краски в новой квартире, надо подождать, пока он выветрится.

Маруся усмехнулась, но ничего не сказала. На следующий день в Ложкино приехали четыре веселых парня в спецовках, с ними прибыла здоровенная машина для циклевки паркета. Мне вместе со стаей животных было велено временно поселиться в гостевом домике и не появляться в большом коттедже. Рабочие включили агрегат, раздался оглушительный грохот... Через час старуха велела домработнице складывать чемоданы.

– Получается, что мы их выгнали, – пробормотала я, когда машины с большим семейством выкатились за ворота.

– Ага, – весело подтвердила Манюня, – выперли! И теперь будем жить как нам хочется, а не по указке вредной бабки. Мусик, не переживай, они же не на улице в коробке из-под телевизора поселятся! Утопали в красивые многокомнатные хоромы.

– Боюсь, Феликс обидится, – вздохнула я.

¹ Кто такая Зоя Игнатьевна и как она со всеми родственниками очутилась у Даши Васильевой в доме, рассказано в книге Дарьи Донцовой «Медовое путешествие троим», издательство «Эксмо».

Маруся возразила:

– Муся, он до смерти рад. К сожалению, профессор такой же мямлик, как и ты, слишком уж интеллигентный и добрый беспредельно. А некоторые люди, увидев подобную личность, норовят мигом ей на шею сесть. Вы что, хотите устроить свадьбу с тортом, караваем, выкупом невесты и прочими радостями?

– Упаси бог, – испугалась я.

– Так распишитесь по-тихому и живите счастливо! – воскликнула Маша.

– Отличная идея, – обрадовалась я, – вот только платье... Я специально летала за ним в Париж². Куда его девать?

– Муся, у вас с Ленкой один размер, – сказала Манюня. – Сама знаешь, с деньгами у них с мужем не густо, Фред владеет небольшим супермаркетом, Кудрявцева на кассе сидит. Они официально расписались до того, как родились близнецы, а торжество отложили до зимы. Ленка не хотела выступать в образе беременной невесты. Если ты подаришь ей платье, она придет в восторг.

– К нему есть и сумочка, и туфли, – оживилась я, – у нас еще и обувь одного размера. Лена мне в Милане туфли покупала, на себя примерила, подошли идеально.

– Видишь, как хорошо все складывается, – обрадовалась Маша.

Во вторник мы с Феликсом поставили печати в паспорта, а в субботу решили пригласить узкий круг друзей в ресторан, но не получилось. В четверг я проснулась с головной болью, решила, что меня снова посетила старая подруга мигрень, заползла под одеяло и попыталась заснуть. Но ближе к ужину стало понятно, что происходит нечто странное. Меня целый день трясло от холода, ломило не виски, а затылок, слезились глаза, к горлу подкатывала тошнота, а когда я попыталась встать, потолок с полом внезапно поменялись местами и кто-то выключил свет.

Когда я очнулась, поняла, что нахожусь не в своей спальне, а в больничной палате. В кресле у окна сидела Маша. Увидев, что я открыла глаза, дочь слишком весело воскликнула:

– Мусик! Все чудесно, ты в реанимации!

– Ага, – пробормотала я, попыталась сесть и тут же услышала противный писк.

– Лежи, лежи, – приказала Манюня, – это кардиомонитор, а в руке у тебя капельница.

Я испугалась.

– Что случилось?

– Все отлично, – зашебетала дочь, – температура поднялась до сорока, давление двести двадцать на сто двадцать семь.

– Обычно у меня девяносто на шестьдесят, может, местный аппарат врет? – усомнилась я.

– Нет, Мусик, у тебя грипп, – пояснила Маша, – сейчас коварный вирус ходит, он дает осложнение на сосуды.

Через неделю, выписывая меня домой, кардиолог Ольга Алексеевна предупредила:

– Давление у вас пока нестабильное, вот рецепты, принимайте лекарства регулярно.

Я взглянула на гору бланков и приуныла.

– Четыре таблетки утром, столько же днем, шесть штук на ночь! Это теперь навсегда?

– Давайте встретимся через месяц, посмотрим на анализы, – дипломатично ответила врач, – вам бы надо поехать на курорт. Есть небольшой городок Сан-Валентино, провинциальный, сонный, о нем мало кто знает. У туристов он непопулярен, никаких особых достопримечательностей там нет. Зато в нем работает прекрасный санаторий, который специализируется на реабилитации больных с сердечно-сосудистыми проблемами. Никаких уколов-капельниц там вам ставить не будут, персонал не ходит в белых халатах. Но правильное питание, про-

² О том, как Даша летала в Париж за платьем, рассказано в книге Дарьи Донцовой «Самовар с шампанским», издательство «Эксмо».

гулки, занятия спортом, спокойная обстановка быстро вас реабилитируют. Все, кто туда ездил, оказались потом очень довольны, и давление у них нормализовалось.

– Отлично, – обрадовалась я, – дайте адрес, прямо сегодня напишу письмо, может, найдется свободная палата. До Сан-Валентино, наверное, лететь недолго.

– Самолет временно не для вас, – возразила Ольга Алексеевна, – если у человека проблема с сосудами, ему лучше ехать на поезде. Есть прямой маршрут Москва – Бартолоно, вас в конечном пункте встретят и отвезут в Сан-Валентино.

И вот я трясусь в вагоне, слушая неумолкаемую трескотню соседки, которая, похоже, совершенно не собирается покидать мое купе. Теперь она живописала, как путешествовала по Египту и в нее плюнул верблюд. Небось дама, сидя у него на спине, утомила его своими рассказами, и бедняга не сдержался.

Глава 2

Часы бежали, соседка иногда выходила в коридор, но очень быстро уже без разрешения возвращалась в мое купе и вращалась в сиденье. В конце концов меня стало тошнить от ее бесконечной трескотни, и вдруг со словами:

– Мы въехали в Белоруссию, – появилась проводница, – сейчас будет остановка на двадцать минут, советую вам купить творог, сметану, колбаску. Тут такие продукты! Пальчики оближешь.

Я встала.

– С удовольствием сбегаю в магазин.

– Ой, а мне надо взвеситься, – засуетилась Дарья.

– Взвеситься? – изумилась я. – В смысле на весах? Разве в вагоне они есть?

– Я всегда вожу с собой электронные, – тут же затараторила тетка, – лишний килограмм – провокатор болезней. Надо следить за собой. Если сейчас в окошке выскочит цифра сорок пять, я могу себе позволить вкусный творожок и прочее, если будет сорок шесть, устрою разгрузочный день.

– Ага, – пробормотала я, – ясно. Состав тормозит, пойду в тамбур.

Попутчица сбежала в свое купе и поспешила за мной в лавку, теперь она вещала о правильном питании, о том, какие продукты ест и к чему в жизни не прикоснется, сахар – смерть, мясо – инфаркт, жареная картошка – инсульт...

Когда поезд снова тронулся, тетка опять устроилась в моем купе и говорила-говорила... В конце концов я почти уже собралась заявить неуправляемой болтунье, что хочу прилечь, как в дверь постучали.

– Входите, – крикнула я.

Дверь приоткрылась, показалась симпатичная круглолицая проводница Таня.

– Через полчаса граница. Хочу предупредить, что в Европу нельзя ввозить мясные и молочные изделия.

– О господи, – засуетилась соседка, – я купила в Минске творог, сметану, йогурт.

– Я тоже запаслась вкусными продуктами, – призналась я, – еще продавщица посоветовала купить копченую грудку индейки, я попробовала кусочек, чуть язык не проглотила, такое объедение! Хотела пополдничать, потом поужинать.

– Если таможенники увидят белорусские харчи, все отнимут, – вздохнула Татьяна, – и сигарет можно везти только две пачки.

– Я давно бросила курить, – сказала я.

– Что же делать? – задержалась моя попутчица.

– Спрячьте продукты, – посоветовала проводница и ушла.

Мы с Дарьей уставились друг на друга.

– Купе маленькое, – пробормотала тетка. – Куда их занывать?

Я оглядела мизерное пространство.

– Интересный вопрос.

– Поставлю сумку в душ, – решила Дарья.

– Таможенники обязательно туда заглянут, – возразила я, – мигом ваши запасы обнаружат.

– В шкаф они тоже полезут, – расстроилась болтунья, – просто безобразие, что купе крохотные и ничего в них нельзя спрятать.

И тут меня осенило.

– Нужно опустить верхнюю полку, положить на нее пакет и захлопнуть. Ну зачем таможенники проверять место, которым никто не пользуется?

Дарья захлопала в ладоши.

– Гениально.

Я быстро проделала задуманное, осталась очень довольна собой и вышла в коридор.

– Заховали? – заговорщицки прошептала проводница.

Услышав, куда уложена контрабанда, Таня округлила глаза.

– Скорее перепрячьте, таможня всегда пустую полку опускает.

– Неужели? – усомнилась я.

– Они еще могут потолочное покрытие отвернуть и в мусорной корзинке пошарить, – добавила хозяйка вагона.

– Ну кому может прийти в голову засунуть еду в мусор? – пожала я плечами.

Татьяна прищурилась.

– Люди разные, у вас всего пара пакетов сырку да колбаски, а у некоторых сто тысяч евро в пачках. Был у нас случай, когда такую сумму пассажир в сортире в использованной туалетной бумаге зарыл.

– И куда деть индюшатину? – загрустила я.

– Ой, приехали, – засуетилась проводница и пошла к двери.

Я живо вытащила пакет с едой, сунула его под одеяло, села на полку и положила на продукты айпад. Если таможенники велят поднять плед, я останусь без ужина. Но ведь они могут и не сделать этого.

Вскоре из тамбура послышался хриплый бас.

– Здравствуйте. Сколько пассажиров?

– Всего двое, – зачастила Таня, – женщины.

Я наклонилась к мини-пигу.

– Роджер! Таможня! Полиция! Умри.

Поросенок закрыл глаза и свалился на бок. Я сунула его к кульку с харчами и увидела, как в купе входит мужчина средних лет.

– Добрый день, – сурово произнес он. – Алкоголь, сигареты?

– Не пью и не курю, – отрапортовала я.

– Встаньте, – попросил досмотрщик.

Я покорно поднялась, таможенник опустил верхнюю полку, потом открыл шкаф, заглянул в туалет, приподнял одеяло и крикнул:

– Животное. Предъявите ветпаспорт.

Я похолодела: сейчас он отнимет Роджера! Бедного поросенка запихнут в карантин, неизвестно, сколько времени он проведет в изоляции. Навряд ли хрюшке там будут давать виноград, до которого мини-пиг оказался большим охотником. Примерно за час до границы Роджи увидел, что я вымыла кисть кишмиша, невероятно оживился и с огромным аппетитом слопал почти все ягоды.

– Документы на собаку, – повысил голос офицер.

– Андрей, я в служебный вагон, – сообщил его коллега, проходя мимо моего купе.

Я решила потянуть время, а заодно изобразить настоящую блондинку, авось Андрею надоест беседовать с дурочкой и он уйдет.

– Это не песик, посмотрите на нос.

Таможенник уперся в меня пристальным взглядом.

– А что с вашим носом?

Я глупо захихикала.

– Я про него! Видите пяточок? У песиков их не бывает.

Но Андрей не попался на мою удочку.

– Где ветпаспорт на свинью?

– Это поросеночек.

– Документ!!!

– Удостоверения личности нет, потому что... – завела я, так и не сумев придумать причину отсутствия паспорта, – нет... совсем нет... абсолютно... потому что...

– Потому – что? – перебил меня таможенник.

– Он умер, – лихо соврала я. – Зачем труп паспорт?

Андрей свел брови в одну линию.

– Труп свиньи нельзя перевозить в купе. Мертвец следует в багажном вагоне, в гробу или в спецупаковке. Должно быть разрешение на перевозку покойника. Покажите его!

– Вы меня неправильно поняли, – начала выкручиваться я, – вернее, вы очень умный, это я неправильно выразилась, Роджер скончался, но не до конца.

– Не понимаю, – еще сильнее нахмурился представитель таможни.

– С одной стороны, он жив, а с другой – уже нет, – заюлила я. – Паспорт не могут дать, потому как организм более не функционирует, а покойником Роджи не признают, поскольку он... он... он...

– Он? – повторил Андрей. – Он что?

– Чучело! – выпалила я. – Вроде мумии поросенка.

– Чучело? – повторил досмотрщик и пощупал Роджера. – Оно не пустое внутри.

– Конечно, – кивнула я, – шкуру всегда чем-нибудь набивают.

– И теплое, – договорил Андрей, – чучела не такие. У моего тестя в гостиной стоит лиса, она холодная.

Я опять включила блондинку.

– Замороженная?

– Нет, – возразил Андрей, – не ледяная, просто прохладная, ваша свинья намного теплее, и она дышит. Видите, грудь поднимается-опускается.

Из-за горячего желания спасти Роджи от карантина во мне пробудилась буйная фантазия.

– Ну конечно, поросенок шевелится. Говорила же вам, он жив и мертв одновременно, это новое слово в чучелостроительстве, полная имитация реально существующего организма, внутри спрятан моторчик, который никогда не ломается.

– Вечного двигателя не существует, – возразил дотошный досмотрщик.

Но я была начеку.

– Я говорю о так называемой атомной батарее, она рассчитана на двести лет.

– Радиоактивные вещества запрещены к вывозу, – тут же отреагировал Андрей.

– Ну что вы, – засмеялась я, – просто название такое, внутри ничего опасного нет, фирма, которая делала чучело, называется «Атомное животное».

– М-да, – крикнул Андрей, но не ушел.

Чтобы наконец избавиться от назойливого офицера, я схватила Роджера и встряхнула его. Поросенок продолжал гениально изображать мертвеца, он повис переваренной макароной в моих руках, а я заулыбалась во весь рот.

– Ну? Разве живой мини-пиг станет так себя вести?

– Нет, – после небольшого раздумья согласился досмотрщик и вдруг поинтересовался: – А что в пакете?

– В каком? – заморгала я.

– В этом! – повысил голос представитель таможни.

С одной стороны, я радовалась, что дядька отвязался от мини-пига, но с другой – мне стало тревожно, лишиться деликатесов не хотелось.

Я изобразила идиотку.

– Где? Не вижу.

– Да вот же он, – процедил Андрей, потянулся к полиэтиленовому пакету, и тут Роджер оглушительно пукнул.

«Не надо было угощать его виноградом», – пронеслось вихрем в моей голове. Офицер мигом забыл про продукты.

– Что это за звук?

Я потупилась.

– Простите. На нервной почве желудок взбунтовался.

По купе пополз характерный запах, Андрей смутился. Я положила поросенка прямо на кулек с прекрасной белорусской едой и уставилась на таможенника с выражением горячей бескорыстной любви во взоре. И тут Роджер опять громко испортил воздух.

– Эй, да это мумия безобразничает, – изумился Андрей, – значит, она живая и обязана иметь паспорт.

– Чучело иногда выпускает воздух, который скапливается внутри, – объяснила я, – это естественный процесс.

Не говоря ни слова, Андрей вышел в коридор, я перевела дух, схватила кулек с сыром-индюшатиной-творогом-сметаной, запихнула его под подушку, навалилась на нее спиной и замерла. До ушей долетело попискивание, затем прорезался негромкий голос таможенника:

– Николай, совет нужен. В вип-вагоне баба, россиянка, с ней чучело свиньи. Оно странное, теплое, дышит, пердит, но ведет себя, как покойник. Нет, не пил я ничего. Свин лежит, не шевелится, пассажирка его трясет, он молчит. Нет, не ветчина, не колбаса, он в шубе. Но она не свиная, скорей уж собачья или овечья, кудрявая. Нет, я не ел грибы, которые Оля вчера насобираала. Это не свинья в пальто, оно не снимается, типа шкура. Может, ты сам Нинкиных суточных щей похлебал и теперь не способен понять, че тебе втолковывают? Оно чучело! Так баба говорит. На батарейках! Ща спрошу.

Андрей заглянул в купе.

– Ваша свинья какого производства? Кто ее сделал?

– Человек, – заулыбалась я, – таксидермист.

– Страна какая? Германия? США? Франция?

– Россия, – уточнила я, – только наши люди могут создать истинный шедевр.

Андрей пропал из виду. Через минуту я опять услышала, как он ведет тихий разговор:

– Николай! Кабан российский. Его сделал таксист. Откуда я знаю! Может, у шофера хобби такое идиотское. Ща!

Таможенник снова вошел в купе.

– Год смерти свиньи уточните.

– Одна тысяча восемьсот девяностый, – выпалила я первое пришедшее на ум число.

– Антиквариат! – подпрыгнул мужик. – Предъявите бумаги, разрешающие вывоз старины.

Я захлопала ресницами и мигом поняла, что надо сказать.

– Вы о чем? Разве тысяча девятьсот восьмидесятый год древность? Боже! Намекаете, что я старуха Изергиль?³

– Откуда старуха? – не допер Андрей. – Из какого города? Ергиль? Бабушка следует с вами? Позовите ее! Во время таможенного досмотра пассажиры должны находиться на своих местах.

– Я путешествую одна, – заверила его я.

– Старуха из Ергили – ваша соседка? – не утихал Андрей.

– Она давно умерла, – вздохнула я.

– Провозите ее тоже как чучело? – насторожился офицер. – Предъявите мумию.

– Извините, я просто неудачно пошутила, – забормотала я.

– Какой год изготовления свиньи? – насупился Андрей. – Уточните медленно и четко.

³ «Старуха Изергиль» – рассказ А. М. Горького, написан в 1894 г.

– Тысяча девятьсот восьмидесятый, – повторила я.

Дознаватель выскользнул в коридор.

– Николай! Кабан современный. Ясно.

Послышались тяжелые шаги, скрип двери соседнего купе и бас Андрея:

– Алкоголь, сигареты имеются?

Я шумно выдохнула, закрыла дверь и весело произнесла:

– Роджер, таможня ушла, полиции нет!

Поросенок вскочил и кинулся меня целовать, я погладила его.

– Ты умница, самый прекрасный мини-пиг на свете, а уж какой мудрый! Просто нечеловечески сообразительный поросенок.

Роджер заурчал, потом начал рыться носом под подушкой.

– Ах ты хитрец, – засмеялась я. – Хочешь кусочек сыра?

Роджи тихо взвизгнул.

Я вытащила пакет.

– Ну и чем ты предпочитаешь полакомиться? Сыром или, может, творожку откушаешь?

Поросенок завертел попой, я аккуратно отрезала ломтик сыра, протянула ему, и тут дверь в купе распахнулась, на пороге неожиданно, словно демон из ада, материализовался Андрей.

– Таможня, полиция, – воскликнула я, локтем запихивая пакет с едой под себя.

Роджер свалился на матрас и задрал лапы кверху. Из-за спины дознавателя вынырнула маленькая собачка.

– Какая хорошенькая, – умилилась я. – Как ее зовут?

– Не мешайте служебной собаке работать, – остановил меня вредный офицер, – она производит обнюх помещения на наличие наркотических веществ.

Я замолчала, дворняжка подергала носом, потом положила морду на полку и тихо гавкнула.

– Что там? – забеспокоился Андрей.

И тут у него из кармана донеслось треньканье, таможенник выскочил в коридор. Дворняжка опять еле слышно тьякнула, я увидела, что она в упор смотрит на поросенка, а изо рта «мертвого» Роджи торчит кусок сыра, который «покойничек» из-за неожиданного появления офицера не успел проглотить. Я попыталась выдернуть ломтик из пасти Роджера, но хитрец посильнее стиснул челюсти, затем сыр начал медленно втягиваться внутрь «чучела».

– Роджер, – возмутилась я, – ты же умер! Мумии не едят.

Собака дознавателя, сообразив, что лакомство испарилось, посмотрела на меня умоляющим взглядом. Я запустила руку под одеяло, выудила из пакета новую порцию сыра и сунула гостю со словами:

– Ешь быстро и не выдавай меня.

Четвероногая таможенница в одну секунду проглотила угощение и принялась истоиво махать хвостом. Я повернула Роджи на бок и подсунула под себя пакет с продуктами, и в ту же секунду в купе возник Андрей, который явно обладал способностью материализоваться из воздуха.

– Ада, что ты там нашла? – грозно спросил он у собаки.

Ада ткнула Роджи носом, поросенок громко пукнул. Собачка подпрыгнула, начала чихать, кашлять, из ее глаз потекли слезы.

– Очень уж у тебя деликатный нюх, – вздохнул Андрей, – пошли отсюда. Ох и смердит ваше чучело, словно гороху наелось.

– Это был виноград, – пробормотала я и прикусила язык.

Слава богу, таможенник не услышал моего опрометчивого замечания. На смену Андрею явился пограничник, он молча шлепнул печать на страницу моего паспорта. Через десять

минут, сидя на пакете с запрещенной ветчиной из индюшатины, контрабандным сыром, творогом и сжимая в объятиях веселого поросенка, я въехала в Европу.

Глава 3

На вокзале в Бартолоно стояли двое мужчин. Один очень симпатичный, одетый в красную ливрею, держал руками в белых перчатках табличку, на которой каллиграфическим почерком с красивыми завитушками было написано: «Darja Wassiljeva». Второй был в джинсах и клетчатой рубашке, он тоже держал листок со словами: «Дарья Васильева».

– Лакей прибыл за мной, – радостно заявила соседка, – помните, я рассказывала вам, что собираюсь от души отдохнуть.

Я кивнула. Ну не говорить же болтливой до умопомрачения дамочке, что три четверти ее историй я постаралась пропустить мимо ушей.

Моя тезка рванулась к красиво одетому слуге, я приблизилась к другому парню и спросила на французском:

– Вы из санатория?

– Васильева? Дарья? – в свою очередь на русском поинтересовался тот. – Пошли.

Едва успев договорить фразу, молодой человек понесся к зданию вокзала, и не подумав помочь мне с чемоданом. Лакей в ливрее шел чуть поодаль от меня, вот он катил багаж своей спутницы.

На парковке стояли две машины, роскошный белый «Роллс-Ройс» и недорогая черная иномарка. Ежу было понятно, за руль какой колымаги усядется тот, кто меня встретил.

– Дорогая, до свидания! – закричала Дарья, высовываясь из окна шикарной машины. – Прекрасного тебе отдыха! Не потеряй мою визитку, звони, встретимся в Москве, хлебом кофейку, пошепчемся.

Я проводила взглядом уезжающий автомобиль. Трещотка всучила мне свою карточку? Надо же, я совершенно не помню, когда взяла ее и куда дела.

– Чемодан бросайте в багажник, – лениво просипел водитель, – садитесь, нам надо к ужину успеть.

– Извините, ко мне должна прийти знакомая, – пробормотала я, – она слегка опаздывает. В глазах водителя появилось беспокойство.

– Мне велено только вас прихватить. Одна комната свободна. Остальные заняты.

– Я привезла посылку из Москвы, – пояснила я, – просто ее отдам.

– А-а-а, – протянул водитель. – Вы сядьте вон там на лавочке в теничке. Передача в чемодане?

Я показала закрытую сумку, в которой спал объевшийся вкусным белорусским сыром Роджер.

– Нет, здесь.

Шофер неожиданно взял меня под руку и подвел к скамейке, потом вынул из своего кармана сотовый, отошел к машине и начал с кем-то беседовать. Я осталась одна, время шло, Лена не появлялась. Минут через пять водитель приблизился ко мне со словами:

– Похоже, за посылкой не придут, скоро стемнеет, нам придется ехать через горы, лучше перебраться через перевал засветло.

– Вы правы, – пробормотала я, – только позвоню подруге, вдруг она уже где-то рядом.

– Хорошо, – согласился водитель и опять встал около своей иномарки.

Я порылась в сумке, где тихо спал мини-пиг, потом пошарила в карманах. Наверное, на моем лице отразилась растерянность, потому что водитель опять подошел к лавке и спросил:

– Что случилось?

– Мобильник, – пробормотала я, – его нет.

– В купе оставили, – предположил он, – вы не первая. Из гостиницы звякнете.

– А у вас нет сотового? Может, разрешите им воспользоваться? – попросила я. – Оплачу разговор.

– Я роуминг отключил, – пояснил водитель, – он мне не нужен.

– Звонок местный, – объяснила я.

До сих пор мрачный мужчина вдруг стал приветливым.

– Меня зовут Федор.

– Дарья, – представилась я.

– Извините, – смутился шофер, – я забыл пополнить баланс, денег на трубке нет. Могу притормозить в центре города у офиса мобильного оператора, оттуда позвоните. У них там телефоны есть. Номер помните? Сейчас народ цифры в контакты вбивает, наизусть не заучивает.

Я растерялась. Федор прав, я не могу связаться с Леной, номер внесен в память айфона, а я его забыла.

– Хотите пить? Сейчас принесу, – радушно предложил оказавшийся совсем не противным водитель и двинулся к иномарке.

Я открыла ридикюль и тихо сказала Роджеру:

– Дорогой!

Поросенок зашевелился.

– Таможня. Полиция. Умри, – скороговоркой прошептала я, следя за Федором, который влез в салон. – Роджи, не знаю, можно ли держать в санатории животное, в таких местах обычно не рады четвероногим клиентам. Лежи тихо, я тайком пронесу тебя в номер, а там что-нибудь придумаем. О! Одна прекрасная мысль уже пришла мне в голову.

– Вот, пожалуйста, – сказал Федя, подавая мне пластиковую емкость, – это из местного источника, он целебный.

Я напилась воды, устроилась на заднем сиденье и весело прочирикала:

– Все-таки притормозите у офиса мобильного оператора. Я сообразила, что могу позвонить другой приятельнице, чей номер помню наизусть.

– Нет проблем, – кивнул шофер, – возьмите одеяло, оно рядом на сиденье лежит, не люблю кондиционер, лучше окошко приоткрою, боюсь, вас продует.

Я закуталась в плед и зевнула, неожиданно меня потянуло в сон. В поезде была удобная полка, но в купе что-то скрипело, сквозь занавеску пробивался свет фонарей, ночью я постоянно просыпалась, вот и не отдохнула как следует.

– Дарья, – раздался над самым ухом грубый голос.

Я подпрыгнула и открыла глаза. Автомобиль стоял, дверь была открыта, Федор уже достал из багажника мой чемодан и громко сказал:

– Прибыли. Вылезайте.

Я начала выкарабкиваться из рыдвана, держа в руке сумку с поросенком.

– Извините, заснула. Который час?

– Одиннадцать, – ответил шофер и уточнил, – вечера.

Я чуть не уронила ридикюль.

– Вы не ошиблись? Мы ехали три часа?!

Федор показал рукой на темневший вдали дом.

– Вам туда.

Потом он сел за руль и быстро укатил. Я осталась одна, открыла ридикюль, поставила его на землю и сказала:

– Роджи, таможня ушла, полиции нет.

Мини-пиг выбрался наружу.

– Давай, дорогой, пис-пис, – попросила я, – потом разомнешь лапы и опять спрячешься. Надо пронести тебя в санаторий тайком, а там разберемся, как поступить. Растеряха Дашенька

оставила мобильный в купе, но в Сан-Валентино точно есть телефон, номер Манюни я помню. Думаю, завтра ты увидишь свою безответственную хозяйку.

Я подождала, пока поросенок немного побегает, потом, скомандовав:

– Полиция. Таможня. Умри, – упаковала компаньона в сумку, пошла вперед, пытаюсь везти чемодан, но его колеса отказывались ехать по гравию. Пришлось поднять багаж и тащить в руке.

До особняка я добрела еле-еле, вошла в холл и разинула рот. Бог мой! Такой красотищи нет даже в поместье моего бывшего мужа Макса Полянского, который в эпоху дикого российского капитализма сделал огромные деньги на торговле куриными яйцами. Потом Максик увлекся теле- и киносъемками, сейчас он владелец огромного производства, выпускает сериалы, полнометражные ленты и стал еще богаче. Правда, яйцами Макс торгует до сих пор, они для него как первая любовь, незабываемы. Сколотив несметное состояние, Макс выстроил особняк площадью пару километров. Я иногда приезжаю к Полянскому в гости, но до сих пор, хоть жилью уже лет десять, так и не разобралась в его географии. Макс всегда любил все яркое, блестящее, огромное, привлекающее внимание, поэтому у него в комнатах повсюду стоят позолоченные скульптуры, с потолков свисают бронзовые люстры с хрустальными каскадами, окна украшены парчовыми занавесками, а на паркете, инкрустированном перламутром, лежат настоящие туркменские ковры ручной работы. Посуда, столовые приборы под стать интерьеру, а краны в гостевой ванной выполнены в виде золотых львов. Однажды, когда я мыла руки, у одного царя зверей выпал глаз. Я подобрала камушек и отдала хозяину дома со словами:

– Попроси приклеить страз на место, а то потеряется.

Макс усмехнулся.

– Дашенция, я терпеть не могу имитаций. Это брюлик, фиговенький, наверное, раз ты его со стекляшкой перепутала.

Но интерьер, который я сейчас обзревала, мог вызвать даже у Полянского тихую зависть.

Глава 4

Широкая белоснежная мраморная лестница с позолоченными перилами начиналась в центре холла. У ее подножия стояли две скульптуры, изображающие арапов с опахалами. С потолка свисало сооружение, напоминающее торт, который подают перед тем, как счастливые и очень обеспеченные новобрачные собираются отбыть в свадебное путешествие. На стенах висели картины в помпезных рамах, оба гигантских холста были мне неизвестны. Но их явно писал не современный живописец.

Перестав изучать интерьер, я в недоумении топталась посередине холла. Где рецепшен? Может, тут пытаются создать для гостей домашнюю обстановку и поэтому у входа нет стойки с улыбочным портье? Но тогда должны прибежать администратор, горничная или, на худой конец, гарсон, который тащит багаж прибывших в номер.

Сбоку послышалось шарканье, появился старичок в мятом спортивном костюме.

– Добрый вечер, – прохрипел он, – поздненько прикатили. Ужин без вас съели. До завтрака голодной останетесь.

– Не беспокойтесь, – улыбнулась я, – у меня с собой есть немного продуктов.

– Со своей едой сюда нельзя, – произнес пронзительный дискант.

Я повернулась на звук и увидела очень худую девушку.

– У нас строгие правила, – заявила она, – в комнату нельзя вносить еду.

– Лика, иди спать, – заскрипел дед, – тебе вставать ни свет ни заря, я провожу даму в ее покои.

– Какого хрена ты, Гарри, выполз? – разозлилась девица. – Чего пристаешь? Уметайся в свою нору и сиди тихо.

У старичка заметно затряслись руки.

– Ну... раз ты не хочешь, – пробормотал он, – я решил помочь...

– Без убогих обойдемся, – отрезала Лика. – Пойдемте, Дарья, ваша спальня в мансарде. Лифта нет.

Девица начала подниматься по лестнице, но, увидев, что я не спешу за ней, спросила:

– Чего вы ждете?

– Служащего, который отнесет мой багаж, – объяснила я.

Лика выпучила глаза.

– Чемодан тяжелый?

– Не очень, – пробормотала я.

– Думаете, я его попру? – надулась администратор.

– Неужели здесь нет мужчин? – поразила я.

– Сейчас кликну Гарри, – оживилась Лика, – но у него руки слабые, он саквояж сто раз уронит. Еще у нас Павел работает, но он спит, поздно ведь. Если вы не можете баул втащить, я Павла растолкаю. Пойдите тут минут сорок, сразу мужика не разбудить.

Я подхватила чемодан.

– Сама справлюсь.

Лика закатила глаза и побежала вверх, перепрыгивая через ступеньки. Я потащила за ней, понимая, что обслуживание в санатории никак нельзя назвать первоклассным. Небось и еда тут окажется мерзкой.

Роскошная лестница сделала резкий поворот и мигом потеряла всю красоту. Мрамор на ступеньках сменила обычная недорогая плитка, позолоченные перила превратились в железные, вместо шелковых обоев на стенах оказалась темно-синяя масляная краска, и никаких картин вокруг. Удивляясь все больше и больше, я шагала вверх, лестница опять вильнула, стала узкой... В конце концов мы с провожатой очутились на чердаке.

Ли́ка провела меня по темному мрачному коридору, остановилась у небольшой двери и пропела:

– Устраивайтесь. Завтрак в семь.

– Во сколько? – оторопела я.

– В шесть пятьдесят надо сидеть за столом, – отрубила администратор. – Борис Валентинович так приказывает. Одежда в шкафу. Можете надеть любой комплект, но вы мне понравились, с багажом не капризничали, поэтому подскажу: хозяин любит женщин в платье.

– Одежда в шкафу? – повторила я. – Простите, не поняла. Надо надевать казенное?

Ли́ка скорчила гримасу.

– Завтра босс вам объяснит, но кое-что я сейчас сообщу. В доме нельзя пользоваться телефоном, телевизором, радиоприемником, Интернетом. Да у нас ничего из перечисленного и нет. Если привезли айпад-ноутбук, мобильник, то это тут просто куски металла, но их все равно надо сдать. И нужно носить форму.

Я решила, что ослышалась.

– Форму? В санатории?

– Лучше спать пойду, – зевнула Ли́ка. – Ох, чуть не забыла! Вода горячая включается с шести утра на тридцать минут.

Я не поверила своим ушам.

– Днем помыться нельзя?

– Зачем? – пожала плечами администратор. – Видите в конце коридора дверь? Там сортир и душ.

– В номере отсутствует санузел? – оторопела я.

– На фига он нужен? – пожала плечами Ли́ка. – Слушайте, мне завтра весь день крутиться, отдохнуть хочется. Борис Валентинович Эпохов, наш хозяин, за завтраком объяснит вам здешние правила.

Забыв попрощаться, девица убежала. Я толкнула дверь, нащупала выключатель и нажала на него.

Под потолком вспыхнула одинокая тусклая лампочка без абажура, она осветила едва ли десятиметровое пространство с убогой мебелью. Справа стояла узкая кровать с никелированными спинками, около нее притулилась ободранная тумбочка. Стену напротив украшало несколько гвоздей, на них висели проволочные вешалки, если кто сдает вещи в химчистку, то он понимает, о чем я толкую. На одной болталась бесформенная хламида. Я потрогала ее, ощутила скользкий синтетический материал, жесткий, как брезент. Кроме мешкообразного платья еще предлагались брюки шириной с Черное море и нечто вроде туники все из той же ткани. На случай похолодания был припасен свитер, связанный, похоже, из шпагата. На полу стояли деревянные башмаки. Больше в помещении не было ничего, кроме круглого чердачного окошка. Я решила сесть на кровать, сделала два шага и стукнулась головой о сильно скошенный потолок. Потирая макушку, опустилась на матрас, выпустила из сумки Роджи и пробормотала:

– Таможня ушла, полиции нет!

Поросенок подскочил и бросился меня целовать, а я продолжала:

– До Мани сейчас не дозвониться, ну ничего, завтра найду трубку. Утром вынесу тебя в сад в сумке, не уверена, что в этом странном заведении ты окажешься дорогим гостем. Сейчас дам тебе попить, перекусим остатками печенья и бананом, а потом баиньки. Утром разберемся, что тут да как. Я заплатила за проживание нехилые деньги, мне обещали номер люкс, но вряд ли эту конуру можно так назвать. Мне хочется задать пару вопросов управляющему. Хотя, может, я невнимательно изучила сайт санатория и не поняла, что тут занимаются «шоковой реабилитацией». В последнее время стало модно селить клиентов в чуланах, подвалах, заставляя их чистить картошку, пылесосить коридоры. Считается, что обеспеченный человек, очутившись в суровых условиях, лишившись кофе с круассанами, которые вышколенная гор-

ничная подает в постель, СПА-услуг, симфонических концертов по вечерам и грудки цесарки со спаржей на ужин, вынырнет из омуты депрессии, встряхнется и резко оздоровится. Одна моя знакомая провела две недели на курорте, где кормили раз в день листьями крапивы, не включали отопление, не давали горячую воду, а персонал самозабвенно хамил гостям. Не поверите, Катя вернулась в Москву в полном восторге и всем твердит:

– Люди, я теперь по-иному смотрю на жизнь! Поняла, что счастлива.

Но я-то не из тех, кто не может справиться с перепадами настроения, у меня проблема с сосудами. Навряд ли после тяжелого гриппа полезно отдохнуть в «шоковом» санатории. Ну ничего, завтра я разберусь во всем.

Я легла на жесткий матрац, Роджер, сопя, устроился у моей груди. Я обняла мини-пига и прижала его к себе. Когда попадаешь в неприятности, приятно осознавать, что рядом находится друг, даже если этот друг всего лишь поросенок.

* * *

– Подъем! – заорал мужской голос.

Я села на кровати, пытаюсь сообразить, где нахожусь. Дверь распахнулась, появился толстый дядька в широченных брюках и рубашке, смахивающей на пододеяльник.

– Ты кто? – спросил он.

– Даша, – ответила я.

– Спальня у тебя гаже некуда, – заявил незнакомец и исчез.

Я вскочила с постели, хотела запереть комнату и увидела: ни замочной скважины, ни щеколды на двери нет, она не захлопывается, а просто закрывается.

В полном недоумении я подошла к окну и открыла его, в помещение хлынул свежий упоительный воздух. Я высунулась наружу, ожидая увидеть панораму города Сан-Валентино или крыши соседних домов, но перед глазами расстился лес. Санаторий находился в глуши, ни одного жилого здания поблизости не оказалось.

Схватив крошечное мягкое полотенце, висевшее на спинке кровати, я отправилась на поиски санузла и нашла чулан размером с мыльницу с крохотной раковиной. Поверьте, здесь сложно почистить зубы даже хомячку. С потолка свисала ржавая «лейка», на полу под ней лежал черный резиновый коврик, на который категорически не хотелось становиться не только босыми ногами, но даже и в сапогах. Я отвернула кран, потекла тоненькая струйка холодной воды. В душе забурлило негодование. Кое-как умывшись, я вернулась в комнату и, проигнорировав наглый приказ неизвестного мне Бориса Валентиновича явиться к завтраку в жуткой одежонке, отправилась искать столовую, нарядившись в свою футболку и джинсы.

Глава 5

Когда я вошла в столовую, там сидело несколько человек. Тот, кто находился во главе стола, поднял голову.

– Дарья Васильева?

– Да, – сухо ответила я. – А вы, если не ошибаюсь, Борис?

– Меня зовут Борис Валентинович Эпохов, – представился хозяин.

– А меня Дарья Ивановна, – в тон ему ответила я, – надеюсь после завтрака поговорить с вами о своем номере.

– Не нравится? – почему-то обрадовался Борис. – Это хорошо!

Я открыла рот, чтобы достойно ответить владельцу санатория, но тут в столовую, шаркая слишком большими ботинками, вполз старичок Гарри.

– Опять проспал? – возмутился Эпохов.

– Извините, – пролепетал дедок, – будильник старый, сломался.

– Сядь и замолчи, – отрезал хозяин, потом посмотрел на меня. – Вон твой стул.

Я молча развернулась и двинулась к двери.

– Эй! Куда? – крикнул мне в спину мужчина.

– Домой, – пояснила я, – Сан-Валентино оказался совсем не тем местом, где я хочу провести две недели.

Владелец санатория заржал.

– Уехать отсюда невозможно. Без моего приказа машина из гаража не выедет!

– Не переживайте, – улыбнулась я, – поймаю на шоссе попутку или такси.

Борис опять расхохотался и поманил меня рукой.

– Пошли, многоуважаемая Дарья Ивановна, и остальные следуйте за нами, думаю, всем интересно и полезно поглядеть на пейзаж. Пора пройти курс молодого бойца.

Хозяин схватил лежащий на столе пульт от телевизора и нажал на кнопку. Одна из зеркальных панелей на правой стене бесшумно отъехала в сторону, открылась узкая галерея.

– Вау! – воскликнул симпатичный блондин невысокого роста. – Тайный ход! Прикольно.

– Да, Вадим Гуськов, – проговорил Борис, – тебе понравится. Дамы, осторожнее, иначе сломаете свои красивые ножки. Видите винтовую лестницу? Она ведет в башню Терпения, оттуда открывается наилучший вид на окрестности. Держитесь за перила, дорогие.

Мне вдруг стало страшно. По какой причине этот хам неожиданно стал приторно-любезным? Интересно, сколько ему лет? Он худой, даже изможденный, под глазами синяки, волосы седые... Похоже, милому хозяину стукнуло шестьдесят. Хотя... У тощего человека всегда много морщин, а темные круги под глазами могут появиться от какой-нибудь болезни. Спина у Эпохова не сутулая, ходит он прямо и быстро... Нет, ему сорок пять, просто он плохо выглядит. Или нет? Вероятно, Борису пятьдесят.

– Идем, шагаем, – напевал тем временем Эпохов, – дышим свежим воздухом, он здесь изумительный. Сейчас налево. Опаньки. Как впечатление, Дарья Ивановна? Чего притихла?

Я не сразу ответила, потому что у меня захватило дух. Я стояла на круглой, обрамленной невысокой балюстрадой площадке, а вокруг возвышались бесконечные горы, поросшие лесом. Деревья поднимались не до вершин, верхняя часть гряды каменная, она терялась в облаках.

– Красота! – раскинул руки Эпохов. – Мы находимся в стране, названия которой вам знать не надо. А сейчас краткая историческая справка. В тысяча двести сорок пятом году некий граф женился на простолюдинке. Для удобства восприятия вами информации назову аристократа... э...

– Атос, – предложил старичок.

– Очаровательно, – кивнул владелец санатория.

– А она – Фекла, – подсказала темноволосая толстушка.

– Рита Баркова, браво, прекрасное имя для крестьянки, – одобрил Эпохов, – вот Аманда или Шанталь совсем не подходит. Говорили Атосу умные люди: не бери в супруги пейзажку. Да, молодуха хороша, горяча в постели, но из койки-то рано или поздно придется вылезти. О чем будешь беседовать с необразованной девкой? Фекла к большим деньгам не приучена, станет безудержно тратить мужнино состояние. В люди ее не вывести, нет у нее шарма, аристократизма, как ни наряжай лошадь, та никогда не станет трепетной ланью. Плохо закончится ваша семейная жизнь.

Но Атос уперся, отвел Феклу под венец и первое время был счастлив, потом ускакал по делам в столицу, оставил молодую госпожу одну. Стоит ли упоминать, что в те времена телевизора не было, айпада-айфона тоже, фитнес не придумали, СПА-салоны тоже и по магазинам бабы не шастали. Какое развлечение женскому полу оставалось? Детей рожать! А у Феклы Атос уехал!!! Соломенная вдова погоревала, потосковала, помаялась со скуки и решила утешить естество с садовником.

Граф вернулся через три года, а у жены двое по лавкам и живот до носа. Щекотливая ситуация!

Атос бастардов сдал в монастырь, прелюбодейку запер в подвале и выстроил для нее в горах замок, который народ прозвал Волчья пасть.

Борис показал рукой налево.

– Если издалека на замок смотреть, оно напоминает оскаленную морду хищника. Когда домишко возвели, Атос с Феклой и кучей слуг перебрались в него. И тут случилось самое интересное, граф запер жену в одной половине, сам обустроился в другой и заявил прелюбодейке: «Живи тихо, молись. Убежать не пробуй, ничего не получится. Горы неприступны, в лесах живут дикие звери. И повсюду ловушки на тропах расставлены».

Хозяин скрестил руки на груди.

– После смерти Феклы и Атоса замок пустовал, в шестнадцатом веке в нем устроили тюрьму, казематы просуществовали несколько столетий, из них ни разу никому не удалось удрать, хотя попытки побега имели место. Например, пират Джек Броуди смог выбраться за крепостные ворота, но далеко не ушел, его разорвал медведь. Да, уважаемые господа, тут мишек полно, а в реальной жизни косолапые совсем не милые плюшки, как в сказках, Машеньку в корзине с пирожками на горбу не понесут. Но потом острог закрыли. Знаете почему? Его признали слишком жестоким, считали негуманным держать в каменных стенах даже убийц. И это в прошлые времена, когда с заключенными обращались, как с падалью. Замок стал переходить из рук в руки, он был слишком большим, много денег требовалось на его содержание. Владельцы часто менялись, все они закрывали большую часть помещений, дабы сэкономить на отоплении и уборке. Позднее, в девятнадцатом-двадцатом веках, здание пытались приспособить под жилой дом, школу-пансион, музей, резиденцию иностранного посла, гостиницу для богатых и знаменитых. Но ни один проект успехом не увенчался. И вдруг Волчью пасть купил богатый, умный, красивый, гениальный ученый и писатель Борис Валентинович Эпохов.

Хозяин поклонился.

– Прошу любить и жаловать. Владелец Волчьей пасти перед вами. Пару слов о себе. Я доктор наук, профессор, психолог, пишу научные труды, которые публикуют во всех странах мира. Я умен, сразу предупреждаю: врать мне бессмысленно, ложь чую за километр. Я возвел на руинах бывшей средневековой темницы исправительное заведение, перевоспитываю в нем преступников.

Борис Валентинович заложил руки за спину.

– Скажу без хвастовства, моя система работает безукоризненно. Сюда прибывают крайне неприятные личности, ближайшая родня Сатаны, а уходят ангелы. Подопечных я беру груп-

пами по семь человек, приезжают они одновременно, с разницей максимум в один день. Вот у нас Дарья Ивановна сегодня появилась, остальные еще вчера подтянулись. Покидают же заведение в разное время, тут уж все зависит от того, когда человек за ум возьмется. Некоторым приходится оставаться надолго, но больше трех лет никто не задерживается. Если кто-то в течение столь длительного времени так и не осознает пагубность своих поступков и мыслей, то я его считаю неисправимым и прощаюсь с ним навсегда. Пока все ясно?

– Нет! – воскликнула я. – Это шутка? Я приобрела путевку в санаторий, у меня после гриппа...

Эпохов поднял руку.

– Дарья! Стоп! Посмотрите на окружающих, почему они молчат?

– Понятия не имею, – рассердилась я, – вероятно, им ваш розыгрыш кажется веселым, но...

Эпохов засмеялся.

– О нет! Вы у нас в заезде последняя, остальные прибыли раньше и успели переварить ситуацию. Вчера и позавчера в моем кабинете такие истерики бушевали! Но сейчас все поняли, что происходит, поэтому и прикусили языки. Прежде чем продолжать беседу, хочу повторить еще раз уже сказанное: сбежать отсюда невозможно, даже не пытайтесь. С одной стороны непроходимый лес с дикими животными и горы, с другой – море. Вас сожрут медведи, покусает змея, коих в каменной гряде масса, или вы утонете, пытаясь проплыть пятьдесят километров до берега. И как вы будете ориентироваться? Карты нет, компаса тоже. Кстати, вы умеете пользоваться компасом-то? И еще на многих дорожках установлены ловушки, капканы, они отлично замаскированы, работают исправно. Наступите куда не следует? Щелк! И нет ноги. А теперь представьте: вокруг чаща, вам отрубило ступню, хоть оборись, никто не услышит, а на запах крови уже подтягиваются голодные хищники-гурманы. Человечинка вкусная, сладкая, деликатес для зверушек. Надеюсь, я доступно объяснил, почему не стоит драпать. Телефона-компьютера в Волчьей пасти нет. Ноутбуки, айпады у вас забрали, что же касемо мобильных, то вы их ухитрились потерять, садясь в машину к Федору.

Эпохов рассмеялся.

– Экие все неаккуратные.

Я молча слушала хозяина заведения. Значит, на вокзале водитель как-то исхитрился вытащить мою трубку из сумки.

– Леонид! – громко позвал Борис. – Деревянко!

Мужчина, стоявший чуть поодаль от всех, вскинул голову.

– Что?

– Почему в группе всегда семь человек? Смелее, отвечай!

– Не знаю, – пробурчал гость.

– Очень плохо, – покачал головой хозяин, – очень. Надо учиться думать головой, а не тем местом, где всего одна извилина и два полушария.

Эпохов отчитывал Леонида, а я пыталась осознать, что происходит. Куда я попала? Это лечебное заведение, где всем предлагают игровую терапию? Пациенты должны изображать заключенных, а врачи – тюремщиков? Кажется, остальные постояльцы с удовольствием принимают участие в игре, они не возмущаются, не требуют отвезти их на вокзал, не кричат: «Где у вас телефон, хочу немедленно вызвать такси и свалить побыстрее отсюда». Нет, все стоит тихо, обреченно смотрят на Бориса, словно привыкшие к побоям собаки на злого хозяина. Вероятно, вчера гостям все подробно объяснили, а я приехала поздно, вот и не в курсе. Меня пока лишь ознакомили со сценарием игры. Так, надо разобраться в том, что происходит, решить, интересна ли мне ролевая игра, и, если нет, спешно уезжать. Знаю о таких забавах, они теперь не менее модны, чем «шоковый» санаторий. Группа пациентов, страдающих от депрессии, плохого настроения, под руководством опытных психотерапевтов участ-

вует в спектакле, где у каждого своя роль. Сама я никогда ничем подобным не занималась, но от Гали Ивановой, жены очень богатого бизнесмена, тоскующей от безделья в золотой клетке с алмазным напылением, слышала рассказ о поездке в глухую провинцию. Галина двадцать один день провела в замке, где не было ни воды, ни канализации, ни батарей, она ходила в рубище, спала на голых досках, ела тухлую капусту, целыми днями ползала на коленях перед баринком. Она была служанкой, женщиной пятнадцатого века, ее унижали, пару раз побили. За три недели никто из участников развлекаловки не выпал из своей роли. Галя так и не поняла, кто из присутствующих, как она, лечился от депрессии, а кто был нанятым актером. Иванова похудела на десять кило и вернулась в свою золотую клетку счастливой, приговаривая:

– Наконец-то и в моей жизни произошли захватывающие события, а то все Ницца да Сен-Тропе, от скуки сдохнуть можно.

Ладно, посмотрю, что будет дальше, вдруг это интересно? Тогда включусь в игру.

– Если я предлагаю высказаться, надо воспользоваться возможностью, – отрубил Эпихов. – Почему гостей столько?

– Семерка счастливое число? – предположила Рита.

– Мимо кассы, тебе лучше помолчать, – отрезал хозяин.

– Раньше многие ставили семь фигурок слоников дома и верили, что они принесут удачу, – подал голос стройный светловолосый мужчина.

– Гуськов, слушай ухом, а не брюхом, – поморщился Борис, – Маргарита секунду назад ту же глупость выдала.

– Она сказала «счастливое число», а я «принесут удачу», – заспорил блондин.

– Еще варианты есть? – иезуитски ухмыльнулся профессор.

– Семь смертных грехов, – предположила я, – вы приглашаете тех, кто их совершил.

Ученый захлопал в ладоши.

– Она мозг! Ну, Дарья Ивановна, сможешь назвать все грешки?

Я стала загибать пальцы.

– Чревоугодие, ярость, похоть, жадность, уныние или лень, гордыня, зависть.

– Чушь! – фыркнул лысый мужчина в очках. – Не убий, не укради...

– Это заповеди, – остановила я незнакомца.

Тот сильно покраснел.

– Ерунда. По-твоему, лишить человека жизни не грех? Не смей перечить умному человеку.

– Мудрый тут один, и это отнюдь не Владимир Якунин, – отбрил Борис Валентинович, – полагаю, нам не стоит заводить теологические споры. Ты не спец в религии.

– И что? – возмутился лысый. – А она доктор церковных наук?

– Смертный грех может спровоцировать нарушение любой заповеди, – не удержалась я. – Позавидовали соседу, который подписал выгодный контракт, и убили его. Загордились и перестали уважать родителей, все взаимосвязано.

Владимир скривил губы.

– Долго прикажете выслушивать философские бредни блондинки?

– Вы правы, лучше узнать, зачем мы все тут сегодня собрались, – нараспев произнес хозяин. – Итак! Каждый из вас заядлый грешник, вы достали своих близких, стали им поперек горла, семья поняла: чтобы избежать большого скандала, паршивую овцу лучше изолировать от общества. Каждый из стоящих здесь перешел грань, отделяющую человека от чудовища: убил себе подобного или сделал еще что похуже. Вы все из семей богатых, влиятельных, знаменитых людей. Ваши мужья-жены, братья-сестры, отцы-матери боятся огласки, опасаются за свою репутацию, поэтому не бросились в полицию, а обратились ко мне. Я буду воспитывать вашу душу.

– Ошизеть! – завопил Вадим. – Что за ...! Не собираюсь тут жить! Мне нужно в Милан на неделю моды, я дизайнер! Вчера я вам прямым текстом сказал: «Мне тут делать нечего!»

Я ощутила беспокойство. Парень впал в истерику, он явно хочет покинуть Волчью пасть, но ведь те, кто подписывается на ролевою игру, с удовольствием участвуют в ней. Хотя, вероятно, Вадим нанятый актер, он сейчас работает по сценарию.

– Срок освобождения зависит от вас, – спокойно пояснил Борис, – как только я увижу, что человек избавился от греха, его увезут на вокзал и отправят, куда он хочет. Кое-кто за год осознает свои ошибки, другому и намного больший срок мал.

– Как Ферапонтовой, – прошелестел Гарри, – она давно тут кукует, прислугой стала, а ведет себя, будто вчера приехала.

– Ужасно, – занервничала пожилая дама с седыми кудряшками. – Вчера я так оторопела, что ничего не сказала, а сейчас говорю: вы не имеете права нас здесь насильно удерживать. Мой хозяин Макар Федосеевич от вашей конторы камня на камне не оставит.

– Уважаемая Нинель Павловна, именно Макар и определил вас сюда, – остановил ее Борис, – могу показать подписанный им договор.

– Нет, – попятилась дама, – не верю! За что меня лишать свободы? Я ангел! В жизни не совершала ничего дурного.

Я мысленно составила список присутствующих и поставила напротив Нинели Павловны крестик. Так, она тоже актриса. Однако организаторы ролевой игры нашли очень талантливых лицедеев. Старуха великолепна, она гениально изображает негодование, у нее даже щека задергалась. Интересно, как немолодая дама умудрилась симитировать мышечную реакцию? До сих пор я считала, что это невозможно.

Борис Валентинович сделал вид, что не слышал возгласа Нинели Павловны, и продолжил беседу:

– День ваш будет строиться просто. С семи утра до часа дня выполнение разных работ.

– Каких? – оживился сутулый субъект, смахивающий на кузнечика.

– Борис Валентинович уже сказал «разных», надо внимательно слушать хозяина, Леня, – решила подольститься к тюремщику Рита.

– Я не принадлежу к племени собак, не подчиняюсь хозяину, – огрызнулся Леонид, – и мы с вами в одной бане не парились.

Маргарита хмыкнула.

– Верно. Я не выношу парилку, а если мне и взбредет в голову на полке полежать, то не попрусь в мужское отделение.

Леонид окинул Риту злым взглядом.

– Вы, любезная, чем по жизни занимаетесь?

– Хозяйство веду, за садом ухаживаю, а что? – спросила Маргарита.

– А то, что не следует малознакомого человека Леной называть, – вскипел «кузнечик», – извольте обращаться ко мне Леонид Юрьевич Деревянко.

– И фамилию называть? – съязвила брюнетка.

Борис хлопнул в ладоши.

– Тишина. Говорю только я, остальные слушают. Вчера я уже все вам объяснил, выслушал ваши вопли. Сегодня не намерен испытывать это удовольствие вторично. Какого дьявола вы опять льете сопли-слюни? Леонид! В чем дело? Кто разрешил тебе скандалить?

«Кузнечик» молчал.

– Уф, – выдохнул Эпохов, – добрый я сегодня, да и Дарья только-только в группу влилась. Повторю вчерашний курс молодого бойца специально для Васильевой. Остальные информацию на ус тоже наматывают. Без истерик! Потом, когда разрешу, задаете вопросы. С часу до трех обед. После пятнадцати выполнение разных заданий. В девятнадцать ужин, с двадцати до двадцати тридцати личное время. За примерное поведение начисляются баллы, за плохое

отнимаются. Тот, кто набрал сто очков, поощряется, кто их потерял, наказывается. Если вы полностью изменились, готовы вести жизнь честного человека, но семья не желает иметь с вами дела и вам некуда ехать, то можете навсегда остаться здесь на правах прислуги. Посмотрите на Гарри, он мог давно отправиться домой. Но его супруга умерла, а дочь не захотела видеть отца. Я великодушен, поэтому Гарри живет тут, занимается библиотекой. Мы его семья. Знаете, что является для меня основным показателем того, что человек пошел по ухажистой дороге самосовершенствования? Он может при всех рассказать, что совершил или хотел совершить. Гарри, почему супруга отправила тебя сюда?

Глава 6

Дед горестно вздохнул.

– Я решил убить жену. Завел молодую любовницу, черная похоть затмила мой разум. Я предложил девушке руку и сердце, она ответила: «Готова вступить в отношения, но у вас в паспорте давно стоит штамп о браке. Вы намерены развестись?» Я был настолько заворочен юной красотой, что ответил честно: «Я живу богато благодаря супруге, она зарабатывает деньги. Если порву с ней, стану нищим. На какие шиши буду покупать тебе, своей рыбоньке, красивые вещи? Лучше отправить противную, не уважающую меня бабу на тот свет, тогда я унаследую ее капитал. Не весь, придется делить его с дочерью, но нам с тобой, зайныка, хватит. У супружницы дома по всему миру, земельные участки, такие счета в иностранных банках, что нули на двух страницах еле помещаются. Не беспокойся, ясочка, я все устрою».

Гарри опустил голову.

– Совсем я ума лишился, думал только об Анне, не ведал, что творю. А любовница поехала к моей жене Марии Владимировне и о моих планах ей сообщила. Маша виду не показала, вела себя так, словно ничего не слышала. А я вечером в кефирчик снотворное подсыпал, растолок таблетки, размешал их и супруге подал. Пей, родная!

Пенсионер зябко поежился.

– Маша стакан взяла, поблагодарила, утром жива-здоровая к завтраку спустилась и мне в лоб заявила: «Хотел отравить меня за то, что я тебе сладкую жизнь обеспечила? Продала тебя Анька, за шурушашие купюры выболтала мне о твоих планах. Кефир я в лабораторию вчера отправила. Анализ живо сделали. Сказать, с какой начинкой напиток? Или сам знаешь?» Я испугался, все отрицать стал, клялся жене в любви, говорил: «Никакой Анны не знаю, кто-то из моих завистников актрису нанял, она роль моей любовницы исполнила. Как в кефир лекарство попало, понятия не имею». Маша пару недель смурная ходила, потом повеселела, прежней стала, через некоторое время сказала мне: «Гарри, мы столько лет вместе, давай забудем досадное происшествие. Вот билет, прилетай в Сан-Валентино пятнадцатого июня, я тебя там встречу. Сама на курорт из Милана приеду, буду там по делам. Устроим себе отдых». Я обрадовался, в назначенный день вышел из самолета, гляжу, парень с табличкой...

Я усмехнулась. Так. Гарри тоже артист, и неплохой.

– Охнуть не успел, как у Бориса Валентиновича очутился, – продолжал старик. – Сначала гневался, пытался убежать, хотел Машу вместе с особняком сжечь, Аню придушить. Перед сном мечтал, как любовнице шею веревкой перетяну. Но благодаря Борису Валентиновичу душа очистилась от скверны, другой я теперь. Зачем мне сто пар ботинок требовалось? Две ноги всего Господь подарил. К гробу багажник не приделаешь, на тот свет ничего с собой взять нельзя, только душу Богу предьявишь, она главное, а не деньги. Не успел я перед Машей повиниться. Вот у дочки прощения попросил. Когда я исправился, господин Эпохов ей написать разрешил. Она ответила: «Ты хотел маму убить и добился своего. Инфаркт у нее из-за тебя, скотины, случился. Я с тобой дел иметь не желаю. Более меня не беспокой, живи с кем хочешь и где пожелаешь, в свой дом не пущу, из маминого наследства ни рубля не получишь». Вот такая история. Вы не упорствуйте в собственном зле, покайтесь, легче станет.

– Ничего плохого я никому не сделал, – заголосил Вадим, – люди от меня только добро видели.

– И я не совершал дурного, – заорал Владимир, – мне не в чем каяться.

– Господи, – принялась осенять себя крестным знамением Нинель Павловна, – какие ужасы Гарри поведал. Раз он раскаялся, исправился, то заслужил наше уважение. Но почему я здесь? Не то что никому зла не причинила, даже не помыслила о нем. Я воцерковленный человек, молюсь исправно. Вот вы, Борис Валентинович, говорили, что к вам попадают родичи

богатых-знаменитых-чиновных. Их сюда за грехи сослали. Но я-то нищая, служу в экономках у хорошего человека, работаю у него больше тридцати лет, после смерти жены хозяина вырастила ее дочку. Отец ребенка любил, но у него в голове только бизнес, на малышку времени не было. Макар Федосеевич хотел няню пригласить, да я воспротивилась, зачем в дом чужого человека впускать? Сама справлюсь. Моя биография прозрачна, ни малейших дурных мыслей в голове не имею, да и платить за меня, чтобы содержать в вашей элитной тюрьме, никто не станет. Я одинокая. Ошибочно здесь оказалась. Макар Федосеевич меня отдыхать отправил. Ехала на поезде до Сан-Валентино, там меня встретил роскошный экипаж, царицей сюда прикатила, машина мягко шла, я попила водички, завернулась в шерстяное одеяльце невиданной нежности, и глаза сами собой закрылись. К чему я это рассказываю? Вместе со мной вышла дама моих лет. Я-то направлялась на отдых, Макар Федосеевич путевкой меня облагодетельствовал, подарил четырнадцать дней на море. Со мной в вагоне ехала женщина, Нина. Она моего возраста, нанялась горничной в богатую семью, направлялась на работу. Мы с ней немного поболтали по дороге, вместе вышли на перрон, я увидела мужчину с табличкой «Нинал» и подошла к нему. Имя с ошибкой было написано, но я не акцентировала на ней внимания, подумала, что иностранцам имя «Нинель» непривычно. А теперь понимаю, что случилось досадное недоразумение, Нинал – это Нина. Служащий перепутал, не ту гостью к вам привез. Мне сейчас следует в гостинице кофе пить. Это Нина – преступная особа! Не я.

Борис Валентинович усмехнулся, но ничего не сказал.

– И я зла не затевала, – всхлипнула Рита, – мою, готовлю, убираю, стираю, весь дом на мне, пожертвовала собой ради сестры. Она очень известная певица, если назову фамилию, кеглями на пол рухнет, но не стану ее упоминать. Катя моя...

– Чего ее имя тогда треплешь? – ехидно перебил Риту Леонид. – Ща в Интернете гляну, кого из тех, кто под фанеру воет, Екатериной зовут, и лопнул твой секрет.

– Нет здесь Сети, – отбила подачу Маргарита, – и Катя выступает под псевдонимом.

– Вы все сюда попали за дело, – повысил голос Леонид, – по рожам вижу, что врете про свою святость. А я ни слова лжи за всю жизнь не произнес. Недоразумение вышло, я сел не в тот автобус, нас в мини-вэн трое ломилось, но шофер меня одного взял, выдал что-то типа куска фольги, воды предложил, музыку включил. Я завернулся в фольгу и заснул. Разве с нечистой совестью можно так легко закемарить?

Борис Валентинович исподлобья взглянул на меня.

– Дарья! Ваш выход! Ступайте на авансцену. Жду вашу историю.

Когда Эпохов назвал мое имя, я пребывала в растерянности. Участники ролевых игр должны быть в образе. Если у нас спектакль под названием «Исправительное заведение», то всем нужно признаваться в совершенных преступлениях, прикидываться криминальными авторитетами, наемными киллерами. Но люди ведут себя иначе, и, судя по тому, как они держатся, и Нинель, и Гарри, и Маргарита, и Леонид, и Вадим, и Рита актеры. Очень хорошие артисты, способные изобразить тик на лице, дрожь в пальцах и покраснеть, как перезревший помидор. Это что – все ради одной меня затеяно? Ну, тогда они мало с меня взяли денег, такой индивидуальный спектакль должен стоить в разы дороже. Хорошо, включусь в игру.

– Рискаю показаться неоригинальной и обвиненной в плагиате, – вздохнула я, – сообщу примерно то же, что и Нинель Павловна. Со мной в одном вагоне ехала Дарья Ивановна Васильева, кроме того, что мы являлись полными тезками, еще оказались и очень похожи внешне. Не могу считать себя безгрешным человеком, но особых пакостей не совершала. Шофер Федор меня с той Дарьей Ивановной перепутал. Нинель Павловна рассказала, как она в роскошном авто водички попила, в нежнейший плед завернулась и заснула. Меня везли на скромной иномарке, дали застиранное одеяло...

– Наверное, вы завидуете Нинели? – прищурился Борис.

Я пожалала плечами:

– Редко испытываю это чувство, и мне безразлично, на чем ездить. Я же не собиралась навсегда в колыхаге поселиться, пару часов потерпеть можно. Речь сейчас не о машине и качестве пледа, которым предлагалось укрываться от холода. Нинель Павловна попила воды и заснула, со мной случилось то же самое. В бутылках было снотворное, да? Ваши будущие подопечные полагают, что едут отдыхать, садятся в разные экипажи, им предлагают воды... и готово! Вези потом похрапывающего субъекта куда пожелаешь.

Борис Валентинович погрозил мне пальцем.

– Экая, однако, сообразительная у нас Дарья Ивановна. Вот с фантазией у нее плохо. Всякий раз, когда появляются новые люди, я слышу стон про то, что их шофер перепутал.

– Но меня на самом деле не за ту приняли, – в один голос заявили мы с Нинелью Павловной.

– И Васильевой, и Рогачевой минус десять очков за ослиное упрямство, – объявил хозяин. – Ну ничего, придет время, и вы покаетесь в грехах.

– А если их нет? – прищурилась я.

Борис Валентинович вынул из кармана трубку и позвонил:

– Лика, прикажи Надежде подняться на смотровую площадку. Да. Правильно.

Хозяин вернул телефон на место и пояснил:

– Аппарат местный, он работает только в пределах имения. Не стоит пытаться его украсть и позвонить домой, сразу заработаете минус сто очков. Я уже объяснил: как только пойму, что человек исправился, моментально отпущу его. Правда, некоторые, например, Гарри, остаются, но это их собственный выбор.

– Паша тоже решил вас не покидать, – робко уточнил старичок.

– Это мужчина, который бегал по мансардному этажу и орал: «Подъем!»? – уточнила я.

– В обязанности Павлуши входит следить за соблюдением режима, – прошептал Гарри, – у нас с этим строго. Сегодня у вас первый ознакомительный день, а уж завтра...

Дедушка захлопнул рот. У меня по спине неожиданно забежали мурашки.

– Но встречаются экземпляры, которые тверды, аки гранит, – продолжал Борис. – Надежда здесь давно. Группа, с которой она приехала, очистилась от грехов и покинула Волчью пасть. А Ферапонтова твердит заевшей пластинкой: «Ничего дурного я не сделала, меня перепутали с другой».

– Звали? – спросила худенькая женщина, одетая в синее платье с белым воротником и такими же манжетами.

– Да, – подтвердил профессор, – прибыли новые подопечные.

– Добро пожаловать, – без тени улыбки произнесла Надежда и выставила вперед ногу, обутую в черную лодочку с серебряной пряжкой.

– Надежда – горничная, – представил ее хозяин, – убирает дом, работает плохо, тяп-ляп, без усердия. Ленился. По ночам шарит в кладовке, ворует еду. Столько сил я в нее вложил, но как горох о стену! Ноль ответной реакции.

– Сто раз твердила и снова повторяю, не понимаю, почему сюда попала, – спокойно заговорила прислуга, – ошибка это.

– Все сначала так говорят, – улыбнулся психолог. – Но потом люди спасают свою душу, а ты упорствуешь.

– Можете меня на кусочки порезать, ничего не изменится, – тихо, но твердо заявила горничная. – Зря тут мучаюсь. Другие убийцами были, им поделом. А я без вины виноватая.

– Охо-хо, – протянул Борис Валентинович, – я надеялся, что ты возьмешься за ум. Но раз не сложилось, делать нечего. Встань вон там у балюстрады спиной к ограждению.

– Зачем? – занервничала прислуга.

– Чтобы, глядя людям в глаза, на ряд вопросов ответить, – объяснил профессор.

Надежда молча повиновалась, Борис спросил:

- Сколько лет ты здесь?
- Недавно шесть сровнялось.
- Все, кто с тобой тут оказался, куда подевались?
- Домой уехали.
- Почему их отпустили?
- Они через год-полтора после прибытия покаяться, потом исправиться.
- А ты нет?
- Я ни в чем не виновата!!!
- Твой отец рассказал мне правду, – вздохнул Борис. – И я, прежде чем включить человека в группу, всегда тщательно проверяю, что он натворил. Меня обмануть нельзя, я не возьму сюда безгрешного человека.
- Значит, я исключение, – не дрогнула очередная актриса.
- Профессор прошелся по террасе.
- Ну что ж! Никогда не сообщаю членам группы, по какой причине их товарищей в Волчью пасть отправили. Человек должен сам о своем преступлении рассказать, с этого момента начинается исцеление его души, но Ферапонтова без-на-деж-на. Поэтому я сейчас раскрою, почему ты провела здесь шесть лет. Надежда убила своего племянника-младенца.
- Вранье! – вспыхнула горничная.
- Даю тебе последний шанс. Признай свою вину. Прямо сейчас. Если подчинишься, я помогу тебе хорошим человеком стать, – пообещал Эпохов.
- Ненавижу тебя, – завизжала Надя. – Монстр! Чего ко мне привязался?
- Прости, Надя, – сказал Борис Валентинович, – я очень много сил потратил, беседовал с тобой, да, видно, кормил овсом деревянную лошадь.
- Борис отошел в сторону.
- Эй, чего вы так странно говорите? – занервничала Надежда. – Я...

Глава 7

Договорить горничная не успела. Часть балюстрады, на которую строптивая особа опиралась спиной, внезапно опрокинулась вниз, раздался тихий звук: «Хр-хр». Надежда взмахнула руками и с воплем свалилась со смотровой площадки, и снова раздался тот же звук: «Хр-хр».

У всех присутствующих, кроме Гарри и Бориса Валентиновича, вырвался крик. Через секунду Нинель, схватившись за грудь, наклонилась и стала издавать булькающие звуки, старуху выворачивало наизнанку. Старичок стоял молча, Рита, обхватив себя руками, села на пол и принялась истерически рыдать, по ее лицу текли слезы и сопли, она размазывала их руками, икала, стонала... Мужчины тоже выглядели не лучше. У Владимира кривился рот, Леонид замер с выпученными глазами, его правая бровь дергалась. Лица Вадима я не видела, он стоял ко мне спиной, но у него на брюках сзади расплывалось мокрое пятно, оно медленно спускалось по штанинам...

Меня охватил ужас, это не ролевая игра, все по-настоящему. Ни один актер не сумеет так сыграть потрясение. И не может группа состоять из одного клиента, то бишь меня, и оравы нанятых актеров. Господи, куда я попала?!

Эпохов медленно вернулся на место. Эпохов спокойно заговорил:

– Я упорно работал с Надеждой, но она не собиралась заниматься самовоспитанием. Шесть лет бубнила: ошибка вышла. Но я никогда не поселю в Волчьей пасти человека без того, чтобы не проверить его историю. Ферапонтова, прожив здесь шесть лет, ни на йоту не стала лучше. Она постоянно ела, нет, жрала все подряд, воровала на кухне продукты. От этой привычки ее оказалось невозможно извлечь. Каждый вечер кто-нибудь из ее группы, а то и несколько человек, приходили в мой кабинет и говорили: «Надя утащила из чулана припасы». Через месяц я усомнился, что информаторы говорят правду, заподозрил их в сговоре с целью получить плюсовые очки. Если сообщаем о непорядке или плохом поведении товарища, это поощряется. Меня смутил еще и тот факт, что Надя оставалась худой. Если постоянно тешить желудок, превратишься в свинью. Я стал сам присматривать за Ферапонтовой и понял: она крадет жратву, потом ее тошнит в туалете, у нее булимия. Кроме того Надежда отличалась редкостной ленью, если ее не разбудить, проспит до ужина. Она ничего не хотела делать, вечно ныла, жаловалась на тяжелую жизнь.

Эпохов махнул рукой.

– Сюда она попала, потому что грех уныния или лени сделал из нее убийцу. Когда Надежде исполнилось двадцать девять лет, ее отец, обескураженный присутствием в доме аморфного, занятого лишь обжорством существа, отправил младшую дочь к старшей, та как раз родила ребенка.

– Будешь ухаживать за племянником, – распорядился отец, который таким образом хотел приучить никчемную лентяйку к труду.

Ферапонтову поселили в детской, в первую же ночь она пошла в кладовку, набрала полные руки шоколада-мармелада, легла в кровать, начала уминать сладости, и тут ребеночек заплакал. Няньке следовало успокоить крошку, покачать его, но Надя решила проблему иначе, она положила на лицо новорожденному подушку, подождала, пока детский крик захлебнется, спокойно улеглась под одеяло, доела шоколад и заснула.

– Но вы ее убили, – прошептала Нинель Павловна, – бедняжка упала... Там высоко?..

– А вы посмотрите, – предложил хозяин.

Рогачева закрыла лицо ладонями.

– Нет, нет.

– Получите сейчас за неповиновение минус тридцать очков, – отчеканил Эпохов, – сотню накопите и окажетесь в катакомбах.

– Где? – спросила Рита.

– В подzemелье, – ехидно улыбулся профессор, – в лабиринте галерей. Простите, господа, я забыл рассказать. Мой дом стоит на старинном фундаменте, под особняком огромные подвальные галереи. Сколь далеко они простираются – никому неведомо, плана лабиринта не существует. Когда мой подопечный (я так называю узников) набирает сто минусовых очков, его отправляют в катакомбы. Перед злостным нарушителем порядка стоит задача найти выход и вернуться в дом. Сами понимаете, что люк, в который нарушитель порядка спустился, тщательно запирается. Нужно найти другой путь в дом или вылезти где-то в саду.

Эпохов ядовито улыбулся.

– Из всех, очутившихся в подzemелье, свет божий вновь увидел один Гарри. Остальные сгинули. Дарья Ивановна, вы, похоже, смелая, посмотрите вниз и расскажите всем, что с Надеждой стряслось. Поскольку у вас сегодня ознакомительный день, сделаю вам поблажку, напомню еще раз: ежели вы сейчас воспротивитесь, получите минус пятьдесят очков, десять уже имеете, итого шестьдесят. Этак скоро с катакомбами познакомитесь, спросите у Гарри, уютно ли в них?

– Хуже, чем в аду, – вздрогнул старичок, – сам не знаю, как оттуда выбрался. Душенька, проявите послушание, вам же лучше будет.

Я уже поняла, что попала в большую беду. Может, люди, стоявшие сейчас на смотровой площадке, и являются отъявленными негодяями, но тюремщик явный садист, он получает удовольствие, видя ужас в глазах присутствующих. Борис мнит себя вершителем судеб, считает, что одним движением пальца может отправить человека в могилу или даровать ему жизнь. Думаю, Эпохов не совсем психически здоров, а спорить с сумасшедшим опасно. Кроме того, Борис Валентинович желает запугать вновь прибывших, сломить их волю, поэтому и устроил показательную казнь несчастной Ферапонтовой. Если я впаду в истерику, откажусь взглянуть на ее тело, Эпохов поймет, что я, как все нормальные люди, охвачена страхом, ничем не отличаюсь от обычных женщин, и сделает вывод: надо почаще пугать эту подопечную. Борис решит, что мне присущи все человеческие слабости, я трясусь при одной мысли о смерти, паникую, думая о возможных моральных и физических страданиях, о голоде, бытовых неудобствах, тяжелой работе. Такой особой легко управлять. Садист обрадуется, что нащупал у меня слабое место, и начнет постоянно давить на него. А вот если я прикинусь, что не потрясена смертью горничной, даже получаю удовольствие от случившегося, тогда Борис Валентинович более не станет демонстрировать мне мертвецов. Какой в этом смысл, если я абсолютно не боюсь покойников, они мне даже нравятся.

– Что стоите? – прищурился хозяин. – Ох уж эти женщины, падают в обморок при одном взгляде на труп.

Я собрала всю волю в кулак, выдавила улыбку и направилась к балюстраде.

– На мой взгляд, опасаться надо живых. Я думала не о трупе, а о том, что, вероятно, пропасть глубокая, я могу не рассмотреть останки Надежды, а жаль.

– Жаль? – вскинул брови Эпохов.

Я вытянула вперед руки.

– Я всегда ощущаю энергию уходящей души, она меня подпитывает.

Хозяин на секунду опешил, а я перегнулась через перила и завела:

– О! Тело далеко не улетело. Лица не вижу. Надежда висит вниз головой, зацепившись ногами за какой-то выступ. Руки болтаются, волосы на ветру шевелятся. Вот ноги хорошо различаю, на одной ступне у нее туфля, вторая слетела, вон она чуть поодаль, лежит на плоском камне. Черная такая... с золотой пряжкой... Голая ступня, как-то вывернулась... не по-человечески... Это невозможно, так у живого человека не получится, вижу пальцы ног... на них лак... бирюзовый... металлик...

– Мне плохо, – пролепетала Рита, хватаясь руками за горло, – сейчас в обморок упаду. Где туалет? Помогите!

Хозяин не успел ответить, толстуха согнулась пополам, и ее стошнило прямо на пол. Борис Валентинович поморщился.

– Леонид, убери! А заодно и за Рогачевой подчисти.

– Почему я? Тут баб полно, – немедленно возмутился «кузнечик».

– Минус десять баллов, – спокойно отреагировал профессор.

– Это несправедливо, – взвизгнул Деревянко, – мне противно блевотину трогать. Не меня вывернуло. Пусть тряпкой возюкают те, кто не сдержался! Нинель и Рита!

– Минус десять баллов, – повторил Эпохов.

– Уже слышал, – огрызнулся Леонид.

– В сумме двадцать отрицательных очков, – уточнил хозяин.

– В доме порядок всегда тетки наводят, – заорал Леня, – мужчины другим занимаются.

– Чем, например? – поинтересовалась Нинель Павловна.

– Минус десять, – провозгласил Борис Валентинович.

– А кому? – подобострастно поинтересовалась Рита. – Ему или бабке?

– Дорогая, последнее слово звучит не особенно любезно, – возмутилась Рогачева, – лучше сказать «даме за сорок».

– Тебе уже пять раз за сорок, – буркнул Вадим, – из египетской в ваганьковскую превратилась.

– В ваганьковскую? – удивилась Нинель Павловна. – Что сие означает?

Я отошла от балюстрады. Может, я ошиблась? Вероятно, это все же постановка. Жестокый, бесчеловечный, циничный спектакль? Присутствующие очень хорошие актеры, Вадим намочил брюки, женщины вывернули желудки... Есть же всякие ухищрения. Кое-кто из артистов перед тем, как зарыдать в кадре, закапывает в глаза некое средство, и слезы льются от него потоком. Наверное, можно проглотить таблетку, и возникнет обратная перистальтика, а у Вадима в трусах был мешок с водой, его легко разорвать. Ну не могут люди вести такой разговор через пять минут после кончины человека. Что же касается Нади...

Кто-то ущипнул меня за бок, я очнулась и увидела рядом с собой Гарри, дед округлил глаза. В мои уши ворвался голос Вадима.

– От восемнадцати до двадцати пяти лет женщина роза.

– А ты романтик! – восхитилась Рита.

– Потом она превращается в сочный персик, – разглагольствовал блондин, – справив тридцатилетие, становится яблочком, через пять лет мадам курагой. В сороковник фруктовый период завершается, едва на пятый десяток покатит, получается неликвид большого секса, это египетская стадия.

– По-вашему, те, кто отпраздновал сорокалетие, мумии? – надулась Нинель Павловна. – А меня вы любезно обозвали ваганьковской, потому что мне пришло время на кладбище Ваганьково могилу присматривать.

– Ага, – подтвердил Вадим.

– Вы тоже когда-нибудь состаритесь, – пообещала Нинель, – тогда поймете, как обидно от юнца такие глупые речи слушать. Кстати, молодой человек, вы описались. Несмотря на юный возраст, у вас слабый мочевой пузырь. А вот мне, старухе, памперс не нужен.

Блондин не нашелся, что ответить.

– Прекратили болтовню, – потребовал Борис Валентинович, – Леонид убирает балкон, остальные идут в столовую, мы не успели позавтракать.

– Эй, эй, – занервничал Деревянко, – ладно, я соберу дерьмо, но не руками же? Дайте тряпку.

– На первом этаже под лестницей есть все необходимое для уборки, – подсказал хозяин, – поторопись, Леонид, пищу положено принимать всем одновременно.

– Мне надо переодеться, – пробормотал Вадим.

– Зачем? – спросил профессор. – Так посидишь, брюки скоро высохнут. Дарья, хочешь умыться?

– Спасибо, нет, – отказалась я.

– Тебе надо вымыть руки, они грязные. Васильева, живо беги в туалет, – велел хозяин.

Я машинально посмотрела на свои чистые ладони и молча повиновалась. Все понятно, Борис действует от противного. Если вам что-то нужно, вы это не получите, и наоборот. Блондину срочно требуется переодеться – и фиг ему, а я не собиралась умываться и отправилась в санузел.

Не успела я войти в туалет и открутить кран, как раздался тихий голос:

– Даша!

Крохотный обмылок выпал из моих рук в умывальник, я обернулась и увидела стоящего на пороге Гарри.

– Простите, – зашептал он, – не хотел вас смутить, но сейчас у меня единственный шанс предупредить вас: здесь все по-настоящему, это не спектакль, а реальность.

Я молча смотрела на старика, а тот продолжал:

– Вы неправильно оцениваете действительность, фатально ошибаетесь.

– Мои мысли написаны на лице? – пробормотала я.

Гарри приблизился к умывальнику.

– Я гожусь вам в отцы, выслушайте старика. Многие, очутившись здесь, решают, что попали в какую-то игру, стали участником розыгрыша, а вокруг актеры. Правда, обычно так полагают мужчины, женщины сразу пугаются. Вы похожи на мою дочь, поэтому я и решился на этот разговор. Даша, вы находитесь в тюрьме, Эпохов будет перевоспитывать вас, уйти отсюда невозможно, даже не пытайтесь. Если хотите слегка улучшить свою жизнь, как можно быстрее признайтесь в содеянном, тогда получите некоторые привилегии.

– Надю не убили, – остановила я Гарри. – Она жива, да?

Старичок кивнул.

– Да! По выражению ваших глаз я понял, что вы догадались: Борис Валентинович устроил шоу. Как вы сообразили? Остальные приняли ее падение за чистую монету.

– Неважно, – отмахнулась я, – зачем вы меня обманываете, рассказывая, что все происходящее правда?

Гарри схватил меня за руку.

– Нет. Я очень рискую, затеяв этот разговор. Здесь на самом деле тюрьма. Эпохов будет устраивать спектакли, ставить членов вашей группы в разные условия, бросать их из огня в ледяную воду. Таковы его методы перевоспитания. С Ферапонтовой имело место цирковое представление, но все происходящее правда! Пожалуйста, поверьте. И никогда в дальнейшем не подходите ко мне с вопросами, я откровенно беседую с вами первый и последний раз.

Гарри попятился в коридор и на пороге прошептал:

– Если донесете Борису Валентиновичу о нашей встрече, получите пятьдесят очков в плюс, а меня...

Старичок махнул рукой и исчез.

Глава 8

– Похоже, ты вместе с руками вымыла еще и ноги, – заметил Борис, когда я очутилась в столовой, – заждались барыню. Контингент в сборе, можно раздавать завтрак.

Первой тарелку из рук Анжелики получила Нинель.

– Сосиски с макаронами! – поморщилась она. – Да еще с оливками!

– Супер, – потер ладони Вадим, – если вам не нравится, могу съесть вашу порцию. И чем вы недовольны? Паста – прекрасная штука! Оливки обожаю!

– Молодой человек, я убежденная вегетарианка, – гордо заявила пожилая дама, – для меня немыслимо съесть труп невинно убиенного животного. Оно мучилось, плакало, просило его не трогать.

– Но свинью все равно зарезали, – хмыкнул Владимир, – чего добру пропадать. А спагетти чем вам не угодили? Они не рыдали в кастрюле.

– У них отвратительный вид, – передернулась старуха, – они на червей похожи.

Разговор был прерван Ликой, которая со стуком поставила перед блондином тарелку с зеленой массой.

– Че это за хрень? – спросил модельер.

– Шпинат! – оживилась Нинель.

– Во пакость! Видок такой, словно его уже один раз кто-то сожрал, – скривился Вадик, – меня с детства от него тошнит. Почему ей дали сосиски, а мне эту фигню?

– Давайте поменяемся, – предложила Нинель, – обожаю зелень.

– Нет, – отрезал Борис, – каждый ест то, что ему подано.

Вадим бесцеремонно показал на бабку пальцем.

– Она не хочет мяса, я ненавижу траву. Отчего нельзя махнуть жрачкой?

– Минус двадцать баллов, – провозгласил хозяин.

Я молча рассматривала орнамент на скатерти, ожидая, как будут развиваться события дальше.

Когда тарелки стояли перед всеми, кроме Леонида, я, слушая вопли возмущения присутствующих, поняла, что каждый получил то блюдо, которое не может съесть. Борис Валентинович хорошо подготовился к приему людей, он выяснил у их родственников все о подопечных и решил посмотреть, как они отреагируют на ненавистное кушанье. Но со мной у иезуита вышла осечка, мне дали блюдо с сыром рокфор, кисточкой винограда и поджаренными тостами из черного хлеба, а в качестве напитка предложили крепкий чай с лимоном. Кое-кого из моих знакомых корбит при виде пищевой плесени, и, наверное, та, с кем меня перепутали, была из их числа. Но я-то обожаю все рокфороподобное и больше всего сейчас боюсь, что не смогу изобразить отвращение при виде любимого сыра, который всегда ем именно со ржаным хлебом, а уж если бутерброд сопровождает кишмиш, это просто праздник желудка.

– Плесень ужасна, она способна убить, – вкрадчиво произнес Эпохов. – Дарья Ивановна, не пасуйте, ешьте. Или вам неприятно?

– Другого все равно не дадут, – горестно вздохнула я и начала отрезать кусочек деликатеса, – я не дома, капризничать не стоит. Иначе останусь голодной. Ох, боюсь отравиться. Может, заранее вызвать «Скорую»? Вдруг мне плохо станет? Фу, прямо передергивает от запаха этой мерзости.

Эпохов прищурился.

– Дарья! Те из моих подопечных, у кого есть хронические недуги, будут получать необходимые лекарства. Когда у преступников закончатся прихваченные с собой препараты, таблетки привезут из аптеки. Но «Скорую» сюда не вызовут и в больницу никого не отправят. Не советую вам болеть.

– Эй, только посмотрите, что ему дали! – взвизгнула Рита.

Я оторвалась от сэндвича и увидела, что Маргарита показывает на блюдо, стоявшее перед Деревянко.

– Черная икра, – возмутился Владимир, – и салат какой-то вкусный.

– Креветки с помидорами и зеленью, – уточнил Лёня. – Ооо! Еще картошечка фри.

– Это нечестно! – по-детски обиженно заныл Вадим. – Почему ему дали самое лучшее? Меня поселили в небольшой спальне, окна нет, ванны тоже, только душ. А у Леонида просторные апартаменты.

– У каждого свои условия, – произнес Борис, – вот Дарья Ивановна ютится в мансарде, утром умывалась в туалете, который расположен в коридоре. Наверное, неудобно было? А?

Я отложила в сторону нож. Пока не понимаю, что происходит. Меня втянули в жестокую ролевою игру или Гарри сказал правду? Но что бы то ни было, я начну свою игру:

– Нормально.

– Вас не удручила спальня? – удивился хозяин.

– Нет, – спокойно ответила я, – люблю каморки с низкими потолками, всегда мечтала жить в сельской Англии, в старом-старом доме священника, где, просыпаясь утром, видишь черные, изъеденные жучками балки. Мне нравится в отведенной спальне. И вообще, у вас тут хорошо.

В глазах Бориса Валентиновича блеснула тревога.

– Чем уж так мой скромный особняк вам приятен?

Я вспомнила утомительную болтовню своей попутчицы, ее сетования о противной све-крови и улыбнулась.

– Честно? Здесь нет моей свекрови.

– Я тоже хочу икры, – жалобно протянула Рита, – обожаю ее.

– Белужья икра предназначена исключительно для Лени, – расплылся в улыбке Эпохов.

– Но почему?! – застучал ногами по полу Вадим.

– Потому что господин Деревянко мне нравится, – пояснил профессор, – я испытываю к нему симпатию. К остальным – нет. Леонид получает восемьдесят очков в плюс. А тот, кто продолжит обсуждать блюда, поданные на завтрак, огребет столько же в минус. В катакомбах всегда холодно, но осенью и зимой там особенно невыносимо.

За столом воцарилось напряженное молчание, через минуту Борис прервал его очередным сообщением:

– Съесть надо все без остатка. Берите пример с Дарьи. Госпожа Васильева, вы вроде боитесь плесени, так почему съели рокфор, не пытаясь скандалить?

Я изобразила самую невинность.

– Вы же предупредили, что все должны слушаться начальника тюрьмы. Вот я и постаралась, хотя точно знаю, что плесень – яд для человека, она может убить того, кто ее проглотил.

– Вы весьма избирательны в еде, – сказал хозяин, – не употребляете в пищу массу продуктов. Расскажите нам о своих принципах питания.

Я незаметно ущипнула себя за запястье. Думай быстро, Дашенька, сейчас от твоей памяти многое зависит. Пока происходящее подтверждает слова Гарри, Эпохов поиздевался над членами группы, предложив им хорошие, но несъедобные по разным причинам для этих людей блюда. Но если это все же игра, то, похоже, она без правил, Борис волен поступать, как он хочет.

– Мы ждем! – повысил голос Эпохов.

– Боюсь, присутствующим будет скучно слушать непрофессионального диетолога, но спорить с начальником тюрьмы я не имею права, – прошептала я, радуясь тому, что соседка по вагону была безудержно болтлива. Господи, как хорошо, что у нее не закрывался рот,

она рассказала о себе много интересного. Жаль, что я не услышала часть ее сообщений. Но кое-что осело в памяти.

– Очень хорошо, – протянул Борис, – плюс десять очков, итого у вас ноль. Звать меня «начальник тюрьмы» не следует, обращайтесь ко мне по имени-отчеству. Я демократичен. Итак! Аудитория – сплошное внимание.

Я откашлялась.

– Я не употребляю никакие орехи, в них плесень. В хлебе и кондитерских изделиях дрожжи, это грибы, они вызывают брожение, что губит любой живой организм. В рыбе омеги-три навалом, но от нее я икаю. Картошка, капуста, виноград, курага, бананы, горошек зеленый, маслины-оливки – все это раздражает кишечник. В молочных продуктах лактоза! Она забивает сосуды.

Я на секунду умолкла, потом вспомнила, что соседка по вагону возит с собой напольные весы, и продолжила:

– Оливковое масло калорийное, употребляя его, станешь хрюшкой. О сливочном лучше умолчу, оно смерть! От него так разнесет, что в трамвай не влезешь, в дверях застрянешь. А я и так слишком жирная.

– Да ты почти скелет, – хихикнула Рита. – Какой размер носишь?

– Тридцать четвертый, если по европейской мерке, – на сей раз честно ответила я, – но мечтаю о тридцать втором. Прямо бешусь, когда весы на пятьдесят граммов больше показывают.

– Во дает! – хмыкнул Леонид, черпая ложкой икру из круглой миски. – Да ты тощее грабель.

Я постаралась убедительно изобразить волнение.

– Нет! Я жирная. Представляете, ехала в Сан-Валентино на поезде, вышла на станции подышать, купе запереть забыла, возвращаюсь... и где мои дорожные весы?

– Дорожные весы? – поразилась Нинель. – Дорогая, это какая-то мания постоянно следить за фигурой. Что слишком, то плохо.

– Наверное, соседка украла, – бубнила я, игнорируя замечание Рогачевой, – она вороватой выглядела. Это ей здесь место! Я же приличный человек.

– Что же ты жрешь? – неожиданно заинтересовался Владимир.

– Мясо! – алчно заявила я. – Манную кашу. Студень. Сосиски, колбасу, лучше копченую, обожаю козье молоко с пенкой! Пироги с требухой.

– Здесь будешь питаться по предписанной мной диете, – хмыкнул Борис. – И как тебе рокфор?

– Гадость, – простонала я, – прямо ощущаю, как плесень по организму расползается.

– Еще ты не очень охотно контактируешь с домашними животными, – прищурился хозяин.

– Фу-у! – скривилась я. – Они грязные, у собак глисты, кошки болеют лишаем... Надеюсь, здесь нет четвероногих.

– У тебя хватит времени на изучение тех, кто обитает на ферме. У нас натуральное хозяйство, ведется оно по старинке, – пояснил Борис.

Рита подняла руку.

– Можно вопрос?

– Только один! – строго предупредил Борис.

– Вы сказали, что подопечных семеро, а нас шесть, – прошептала брюнетка. – Это потому, что Надежда умерла? Если б она покаялась, то осталась бы в группе?

– Двадцать очков в плюс! – заявил Эпохов.

Толстушка принялась благодарить профессора.

– Спасибо за вашу доброту. Здесь мне хорошо. Очень рада, что сюда попала. Огромная честь стать гостьей великого человека. С детства мечтала побывать в замке.

– Почему вы Риту наградили? – заныла Нинель. – Не подумайте, что я недовольна вашим решением, я, Нинель Павловна Рогачева, целиком и полностью поддерживаю и одобряю политику...

В моей голове моментально вспыхнули слова: «...целиком и полностью поддерживаю и одобряю политику Коммунистической партии Советского Союза и лично генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева». Сколько раз я видела их во времена школьного детства в газетах и слышала из телевизора?

– ...замечательного ученого Бориса Валентиновича Эпохова, – декламировала далее Рогачева, – но хочется понять, как получить плюс и не заработать минус.

– Сама думай, – грубо оборвал ее профессор.

Потом он взял лежащий около тарелки пульт и нажал на какую-то кнопку.

– Павел! Эй! Отзовись!

Так и не дождавшись ответа, тюремщик ткнул в красную кнопку.

– Лика!

– Слушаю вас, – просипел прибор, который оказался чем-то вроде рации или внутреннего телефона.

– Павел спит? – добавил металла в голос Борис.

– Он интерком потерял, – наябедничала экономка. – Велеть ему прийти в столовую?

– Сделай одолжение, – процедил Борис Валентинович, – пусть пошевелит ногами.

Завершив беседу, хозяин бросил переговорное устройство на стол, а меня охватило зло-радство. Так-так, господин тюремщик подвержен приступам гнева, вон как он разозлился, узнав, что один из прислужников растеряха. Голову на отсечение даю, сейчас Эпохов обрушит дурное настроение на кого-нибудь из членов группы. И точно.

– Кто не доест завтрак, тому минус пятьдесят баллов, – заявил Эпохов.

– Я уже все, – облизнулся Леонид, – икорка роскошная. Хавал бы ее три раза в день, больше ничего не надо. Прямо мечта!

– Осторожнее с мечтами, они могут сбыться, – заметил хозяин.

– О! Супер, – воодушевился Деревянко, – пожрать от пуза белужьей икры всякий мечтает.

– Ты полагаешь? – усмехнулся тюремщик. – Павел! Рад, что наконец-то осчастливил нас своим визитом.

– Простите, – загудел толстяк, – трубка затерялась. И вообще, она сломалась, жму на кнопку «один» и слышу, как вы с Ликой говорите, а мой вызов не воспринимаете. Заело переговорку.

– Замолчи, – отрезал профессор, – твоя манера все бросать неизвестно где утомляет. Ищи телефон. Я не знал, что он неисправен. Почему не доложил?

– Сам только утром это обнаружил, – загудел мужик, – хотел вам сообщить: все разбужены, одеваются. Тык... тык в кнопку, говорю: «Борис Валентинович!» А в ответ голос Лики, она вам про то, что кофе закончился, отчитывается. Я опять тык... тык... И слышу, вы приказываете: «Составь список необходимых продуктов». Я как заору: «Борис Валентинович! Не слышите меня?» А вы дальше экономке приказы по хозяйству отдаете. И тут до меня дошло: кирдык переговорке. Соединиться с вами не получается. То есть получается, но получается, что получается из трубки вроде...

– Замолчи, – махнул рукой шеф, – надоел. Найди устройство и принеси его в кабинет. Срочно!

Павел собрался уйти, но босс велел:

– Стой! Леонид и Дарья закончили трапезу. Пора им и поработать. Отведешь Деревянко чинить забор.

– Куда? – оторопел любитель икры.

– Изгородь вокруг сеновала необходимо в порядок привести, – охотно растолковал Эпохов, – она частично обвалилась.

– Но я не умею, – заморгал Леонид.

– Научишься, – пожал плечами хозяин, – я уже сказал, тут натуральное хозяйство. А Дарья пойдет на ферму, там ей Полина задание даст.

– Ужас! – взвизгнула я. – Коровы! Жуть!

– В основном свиньи, – поправил Павел, – тебе там понравится, они мелкие, мы разводим их на продажу.

– Мини-пиги? – вырвалось у меня, не поверившей в такую удачу.

– Ага, – кивнул Паша, – их охотно покупают. У Бориса Валентиновича бизнес, он поросят отправляет...

– Прикуси язык, – сурово велел Эпохов.

А я чуть не зарыдала от радости, поняв, что мне представился шанс легализовать Роджера и беспрепятственно общаться с ним.

– Пойди к... – начал было Борис Валентинович, но я не позволила ему продолжить.

– Свиньи! О нет! Что угодно, только не они! Боюсь хряков! Ненавижу их! Только не туда!

Я очень хорошо стираю, глажу, штопаю, обожаю возиться с бельем, давайте лучше запущу машинку, а потом все развешу.

– Я никогда не держал в руках молотка, – застонал Леонид.

Борис встал.

– Всем молчать. Павел! Немедленно...

Дверь в столовую открылась, появилась девушка лет двадцати пяти. Я как раз допивала чай и при взгляде на вошедшую поперхнулась. Видели когда-нибудь карикатуры, изображающие блондинок, злоупотребивших пластикой? Сейчас картинка ожила и впорхнула в комнату. Стройную фигуру незнакомки обтягивало ярко-красное чрезвычайно узкое мини-платье, юбочка которого заканчивалась почти в зоне бикини. Лиф имел экстремальное декольте, в котором колыхалась пышная грудь размера этак пятого. Поскольку тонкий материал плотно облегал торс, было видно, что лифчика блондинка не носит. Но столь пышный бюст из-за силы земного притяжения никогда не станет задорно торчать, в груди совершенно точно вставили импланты. Губы у красотки были надуты до изумления, брови радовали перманентным татуажем, ресницы оказались такими густыми и загнутыми, что я усомнилась в их натуральности, а резко очерченные скулы заставляли задуматься о геле, с помощью которого умелая рука врача подкорректировала ей лицо.

– Пра-а-а-стите, – нараспев произнесло очаровательное создание, – я до сих пор в шоке! Лежала с мигренью! Ба-а-арис Ва-а-алентинович! Вы выяснили недоразумение? Меня в аэропорте с другой перепутали. Я вам не нужна! Мне па-а-ара домой! Я очень ха-а-арошая, ни о ком даже не подумала плохо!

– А вот и седьмой член коллектива, – хмыкнул Эпохов, – Екатерина Маслова. Имя и фамилия знаменитые.

– Правда? – удивилась Рита. – Вы поете? Или в театре играете?

Я решила не вмешиваться в разговор, не объяснять толстушке, что Катюша Маслова – главная героиня романа Льва Толстого «Воскресенье». Я ведь блондинка, плохо разбираюсь в литературе. Впрочем, в истории, географии, химии и прочих как гуманитарных, так и естественных науках тоже. Лучше госпоже Васильевой сейчас промолчать.

– Я пошутил, – сказал Эпохов. – Это Алиса Михайлова. А теперь к делу. Павел отводит Леонида чинить забор, – отчеканил Борис, – Дарье надо рулить на ферму. Васильева, тебе

нужно переодеться! Дорогу к Полине объяснит Лика. Остальные получают задания от нее же. Все, кроме Леонида и Дарьи, марш к экономке!

Я вскочила, втянула голову в плечи и поплелась в коридор.

Глава 9

Очутившись в своей комнате, я погладила Роджера, посадила его к себе на колени и зашептала:

– Попали мы с тобой в сложное положение, но, как говорится: даже если вас съели, у вас есть два выхода. Рыдать, биться головой о стены и причитать: «Ну почему это приключилось именно со мной, а остальные сейчас счастливы и пьют кофе со взбитыми сливками», – не стоит. От этого только хуже станет. Давай прекратим истерику и попытаемся осознать, как себя вести. Во-первых, надо легализовать твое присутствие в доме. Это чудо, что тебя пока никто не обнаружил, нам несказанно повезло, уж не знаю почему. Заметь прислуга у меня в спальне мини-пига, ты бы уже превратился в ветчину. Когда получишь право жить в Волчьей пасти, будем соображать, как отсюда удрать. Я не верю, что в особняке нет телефона, где-то спрятан мобильник. Из любого каземата можно удрать. Эдмон Дантес ухитрился сбежать из замка Иф. Я была на экскурсии в той темнице. Роджи, она стоит на острове, вокруг вода... Но Дантес прикинулся мертвым и очутился на свободе. Я тоже сбегу, естественно, вместе с тобой, найду лазейку. Но это потом, а пока займемся твоей, так сказать, натурализацией. Сбегаю в туалет, переоденусь, и начнем действовать. Очень надеюсь на твою сообразительность. Роджер, ты же не хочешь превратиться в хамон?

Мини-пиг прижался ко мне и издал похожий на кряхтение звук.

– Отлично, – кивнула я, – сиди молча, я вернусь быстро.

Первое, что я увидела, войдя в микроскопический санузел, было лежащее на рукомойнике переговорное устройство. Я не поверила своей удаче – так вот где Павел забыл рацию!

Прежде чем сообразить, стоит ли это делать, я ткнула пальцем в кнопку с единицей и услышала голос Бориса.

– Когда починят камеры?

– Простите, босс, это сложная задача, – ответил незнакомый мужской голос.

– Объясни, – потребовал Эпохов.

– Шеф, вы умнее многих, но в технике не сечете, попробую растолковать по-простому.

– Уж сделай одолжение, – процедил Эпохов.

– Ну... значит... в доме есть место, где сходятся все кабели. Главный узел. Пока понятно?

– Продолжай.

– Если повредить один шнур, ну, например, тот, что идет в мансарду, то вне зоны видимости окажется только чердачный этаж. Доходчиво изъясняюсь?

– Дальше!!!

– А вот когда центральный узел из строя выйдет, тогда все камеры гавкнутся. А у вас его сожрали крысы.

– ...! Как они туда добрались?

– Хитрые твари! Везде пролезут. Особняк стоит на средневековом фундаменте, подвалы вы не замуровали, в полах и стенах есть щели. Я один раз видел, как крысятина в блин распласталась и в прореху шириной в палец просочилась.

– Крыс регулярно травят, они у меня по этажам не бегают!

– Босс, по жилым помещениям грызуны носиться не станут, они умные, внаглую к людям не попрут. Но ходы у них протоптаны. Лика мне говорила, что нашла в кладовке обгрызенную головку сыра. Шляются мрази, где жарка есть, хотя им все по вкусу. Я, когда в институте учился, на автосервисе подрабатывал, много видел машин, у которых проводку грызуны схарчили. Вы в подвал не ходите. Я не про катакомбы говорю, а про минус первый этаж. Я там лючки поднимаю, воду откачиваю. Едва чугунку сдвину, а снизу шорох, писк, удирают тварюги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.